

СТАТЬИ

З. В. УДАЛЬЦОВА

ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ В СССР ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1917—1934 гг.)*

В первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции среди историков-византинистов нашей страны еще не было представителей марксистской исторической школы. Подавляющее большинство византинистов старшего и среднего поколения принадлежало к буржуазно-позитивистскому направлению в исторической науке. Но несмотря на то, что значительная часть византинистов примыкала по своим политическим взглядам к правому крылу русской буржуазно-дворянской историографии, почти все наиболее крупные ученые-византиноведы приняли Октябрьскую революцию и стали сотрудничать с Советской властью. Лишь отдельные лица покинули страну и окончили свои дни за пределами родины.

Уже с первых дней Советской власти центром византиноведческих исследований в стране снова становится Академия наук. По инициативе и настоянию акад. Ф. И. Успенского в 1918 г. при Академии наук была создана комиссия для изучения трудов Константина Порфирородного¹. Комиссия ставила своей задачей критическое освоение научного наследия Константина Порфирородного и на этой основе изучение отношений Византии в X в. с Русью, странами Причерноморья, Балкан, Кавказа, Ближнего Востока. Одновременно русские византинисты включились в международное византиноведческое предприятие по переизданию среднегреческого словаря Дюканжа. В 1923 г. комиссия «Константин Порфирородный» была превращена в «Русско-византийскую историко-словарную комиссию». В 1925 г. из нее выделилась особая «Русско-византийская комиссия», занимавшаяся разысканиями в области русско-византийских связей². Все эти византиноведческие комиссии возглавлял акад. Ф. И. Успенский.

* В сборе материалов для статьи и в ее написании принимали участие З. Г. Самодурова и Н. М. Меньшова.

¹ Возглавил эту комиссию акад. Ф. И. Успенский. Кроме него, в нее вошли академики В. В. Латышев, А. А. Шахматов, Н. Я. Марр, В. В. Бартольд, А. В. Никитский и М. И. Ростовцев. См. Ф. И. Успенский. Хроника византиноведения. — ВВ, XXIII (1917—1922). Пг., 1923, стр. 134—141.

² См. В. Н. Бенешевич. Русско-византийская комиссия. Glossarium Graecitatis. — ВВ, XXIV. Л., 1926, стр. 115—130. Эта комиссия провела большую работу по подготовке для нового словаря Дюканжа толкования ряда важных греческих терминов (см. там же, стр. 130—140). В ее работе принимали участие видные византинисты и эллинисты — всего около 40 человек. См. В. Н. Бенешевич. Русско-византийская историко-словарная комиссия в 1926—1927 гг. — ВВ, XXV. Л., 1928, стр. 165—171.

В Академии истории материальной культуры в Ленинграде при секторе археологии было создано отделение христианской и византийской археологии. С 1917 по 1928 г. вышло в свет три тома (XXIII, XXIV и XXV) «Византийского временника». Византиноведческие работы, кроме того, публиковались в таких журналах, как «Анналы», «Христианский Восток» и «Новый Восток», в «Известиях АН СССР» и других периодических изданиях.

Деятельность русских византистов в первые годы Советской власти получила в советской историографии разноречивую оценку, во многом отражавшую борьбу мнений по вопросу об отношении к наследству буржуазных ученых. Можно наметить две точки зрения в оценке политической направленности и научной значимости трудов буржуазных византистов, продолжавших свои исследования в послеоктябрьский период. Представители старой академической науки, преимущественно сами византисты, стремились не только панегирически оценить заслуги русских буржуазных византистов, но и подчеркнуть «потери» и «трудности», которые принесла революция византиноведению³. С другой стороны, все чаще стали раздаваться голоса, критиковавшие политические и методологические позиции старого русского византиноведения и требовавшие создания новой марксистской советской византистики.

В конце 20-х — начале 30-х годов марксистская наука, уже окрепшая и успешно развивающаяся, пыталась произвести «переоценку ценностей» во всех сферах исторического знания, в частности и в византиноведении. Для этого необходимо было не только критически переосмыслить наследие буржуазного византиноведения, но и выяснить, что полезного можно взять из буржуазной византистики для развития новой марксистской науки о Византии. Такую задачу поставили авторы историографических обзоров Г. Н. Лозовик и Ф. И. Шмит, в работах которых наряду с резкой, порою даже излишне нигилистической, но по существу политической правильной критикой наследства буржуазной византистики намечались и пути создания марксистского византиноведения⁴. И Г. Н. Лозовик и Ф. И. Шмит убедительно показали непосредственную связь византиноведения в дооктябрьский период с политическими задачами русского царизма⁵. Вместе с тем Г. Н. Лозовик подчеркивал необходимость коренной перестройки старого византиноведения. «Разбитое корыто русской византологии, унаследованное революцией, — писал он, — продолжало давать новые и новые трещины... Новое содержание не могло сразу влиться в устаревшие мехи...»⁶ С этим вполне соглашался и Ф. И. Шмит, утверждавший: «Политически византиноведение у нас было полностью скомпро-

³ См. Ф. И. Успенский. Хроника византиноведения, стр. 134, 138 и др.; он же. Из истории византиноведения в России. — «Анналы», № 1. Пг., 1922, стр. 110—127; В. Н. Бенешевич. Скорбная летопись. — «Русский исторический журнал», 1921, кн. 7, стр. 229—261; И. И. Соколов. Русская литература по византиноведению с 1914 по 1927 г. — «Slavia», 1928, роф. 7, № 2, стр. 413—426; № 3, стр. 682—700.

⁴ Г. Н. Лозовик. Десять лет русской византологии (1917—1927 гг.). — «Историк-марксист», 1928, № 7, стр. 228—238; Ф. И. Шмит. Политика и византиноведение. — «Сообщения ГАИМК», 1932, № 7-8, стр. 6—23.

⁵ Г. Н. Лозовик. Указ. соч., стр. 228. Г. Лозовик прямолинейно утверждает, что «концепция Милюкова Дарданельского имела прекрасную идеологическую базу в лице византиноведов всех мастей» (см. Ф. И. Шмит. Указ. соч., стр. 18 и сл.).

⁶ Г. Н. Лозовик. Указ. соч., стр. 231. «И у идеологов Октябрьской революции, — продолжает он, — во всяком случае не было оснований проявить особенное внимание к этой отрасли знаний. Скорее наоборот: поклонники шапки Мономаха и наследства Палеологов должны были иметь в глазах борцов за Октябрь несколько подзрительный вид, должны были пахнуть историческим мусором Четьи-Миней и Домостроя, если еще не хуже» (там же).

метировано»⁷. Однако в отличие от Г. Лозовика, давшего лишь негативную оценку положения византиноведения после 1917 г., Ф. И. Шмит уже намечил позитивные задачи дальнейшего развития этой отрасли науки на основе новой марксистской методологии⁸. В дальнейшем советские византилисты в оценке научного наследия русского буржуазного византиноведения, и в частности в оценке послеоктябрьского периода, исходили из необходимости отбросить все ошибочное, методологически и политически нам чуждое, но критически переработать то ценное в трудах буржуазных византистов, что могло бы способствовать развитию новой марксистской науки.

И после 1917 г. некоторое время главой русского византиноведения оставался акад. Ф. И. Успенский (1845—1928).

В послеоктябрьский период Ф. И. Успенский опубликовал, несмотря на свой преклонный возраст, около 40 работ. Естественно, что эти работы были далеко не равнозначны по своей научной ценности: среди них мы находим обобщающие труды и исследования на частные темы, публикации источников и небольшие этюды⁹.

Центральное место в научном наследии Ф. И. Успенского занимает его фундаментальный труд «История Византийской империи». Эта обобщающая работа была целиком написана еще до Октябрьской революции и полностью отражает позитивистскую методологию и весьма реакционные политические взгляды автора¹⁰. При жизни Ф. И. Успенского были опубликованы первый том (в 1913 г.) и первая половина второго тома (в 1927 г.)¹¹. В первой половине второго тома «Истории Византийской империи» дается подробное изложение преимущественно политической истории Византии в VIII—IX столетиях. В центре внимания автора находятся три крупные проблемы: иконоборческое движение и взаимоотношения Византии с арабами, Византия и Запад при Каролингах и кирилло-мефодиевский вопрос. Иконоборческий период в истории Византии трактуется Ф. И. Успенским как время смелых реформ, глубоких и разнообразных перемен в политической, административной, социально-экономической и религиозной жизни византийского общества. Все реформы приписываются исключительно воле иконоборческих императоров, особенно Льва III Исавра, Константина V, Льва IV, Никифора I, деятельность которых крайне идеализируется. По словам Ф. И. Успенского, тон всей государственной жизни периода иконоборчества задавала борьба партий иконопочитателей и иконоборцев. Основными причинами этой борьбы автор считает столкновения религиозного и идейного характера.

Вместе с тем, следуя позитивистской теории равноправных факторов, Ф. И. Успенский не отбрасывает и социально-экономических и полити-

⁷ Ф. И. Шмит. Указ. соч., стр. 18.

⁸ Там же, стр. 20—23. Г. Н. Лозовик, понимая необходимость создания новых кадров византистов, усматривал, правда, ошибочно, признаки грядущей переоценки ценностей в трудах К. Н. Успенского и А. А. Васильева (Г. Н. Лозовик. Указ. соч., стр. 238).

⁹ См. библиографию трудов Ф. И. Успенского: С. Н. Каптерев. *Bibliographia Uspensiana* (хронологический указатель трудов Ф. И. Успенского).— ВВ, I, 1947, стр. 270—314; С. А. Жебелев и В. Н. Бенешевич. Федор Иванович Успенский. I. Канва жизни. II. Список ученых трудов.— Сб. «Памяти академика Ф. И. Успенского (1848—1928)». Л., 1929, стр. 1—23.

¹⁰ З. В. Удалцова. К вопросу об оценке трудов ак. Ф. И. Успенского.— «Вопросы истории», 1949, № 6, стр. 116—127; М. В. Левченко. Византиноведение в СССР.— «Уч. зап. ЛГУ», № 14, 1949, стр. 220.

¹¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. II, ч. 1. Л., 1927; ч. 2 второго тома труда Ф. И. Успенского еще не опубликована, третий же том был напечатан в 1948 г.

ческих причин иконоборческого движения, в частности борьбу светских и духовных землевладельцев за церковные земли. Он считает, что программой иконоборцев было укрепление единой светской власти, подчиняющей себе и церковь, создание сильного государства путем борьбы с мусульманской опасностью, реорганизация внутреннего управления, проведение социальных реформ (наступление на монашество с целью привлечения на службу государству всех способных к труду), перестройка судопроизводства и включение в армию империи новых поселенцев из различных племен, в первую очередь славян. Все эти реформы иконоборческих императоров, по мнению Ф. И. Успенского, должны были в конечном счете привести к торжеству греческого «византизма» над арабским мусульманством. При рассмотрении иконоборчества Ф. И. Успенский оставляет в стороне такой важный вопрос, как роль народных масс в этой борьбе. Павликиане для него остаются лишь замкнутой религиозной сектой, а восстание Фомы Славянина трактуется как мятеж честолюбивого авантюриста, сумевшего сыграть на социальном недовольстве широких масс населения империи¹².

Второй главной проблемой, занимающей большое место в труде Ф. И. Успенского, был вопрос об образовании Западной Римской империи Каролингов и об ухудшении отношений Византии и Запада в период иконоборчества. Иконоборческие реформы оттолкнули от Византии римских пап и во многом, по мнению автора, подготовили разрыв между западной и восточной церквями. Для Византии образование Западной Римской империи Карла Великого было чревато очень тяжелыми последствиями: Восточная империя не только потеряла свои владения в Италии, но и свое влияние на западных и часть южных славян. Столкновение двух империй изображается Ф. И. Успенским как борьба неких отвлеченных начал: «романо-германской идеи» и греческого «византизма». Автор полагает, что «империя Карла Великого выдвинула в европейской истории романо-германскую идею», придав ей всемирное значение. Романо-германский мир, объединенный в политическом отношении под эгидой Каролингов, а в церковном — под властью католического престола, стал могущественной политической и военной силой. Византия, теснимая арабами на Востоке, естественно, не могла противостоять Западной империи и должна была уступить ей главенствующее положение в Европе¹³. Яблоком раздора между двумя империями долгое время оставались славянские племена Центральной и Юго-Восточной Европы. В этом аспекте рассматривается Ф. И. Успенским третья большая проблема, связанная с просветительской миссией Кирилла и Мефодия в Моравии. Большой знаток истории славян Ф. И. Успенский дает интересный очерк деятельности Солунских братьев¹⁴. Он показывает роль кирилло-мефодиевской миссии для «культурного самоопределения» славян в IX в. и всемирно-историческое значение кирилло-мефодиевского вопроса¹⁵. Однако вся проблема трактуется автором в ярко выраженном конфессиональном духе и церковные вопросы выдвигаются на первый план. Под тем же конфессиональным углом зрения рассматривает Ф. И. Успенский и разрыв между

¹² Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. II, ч. 1, стр. 280 и сл. Не отрицая участия народных масс в восстании Фомы Славянина, Ф. И. Успенский считает, что «успех возмущения Фомы столько же зависел от социальных мотивов, сколько от религиозных, так как Фома являлся выразителем протеста против иконоборческого направления» (там же, стр. 292).

¹³ Там же, стр. 110—136, 157—174, 175—202, 218—249.

¹⁴ Там же, стр. 388—408.

¹⁵ Там же, стр. 506 и сл.

константинопольским патриархатом и папским престолом при патриархе Фотии¹⁶.

Большим недостатком синтетического труда Ф. И. Успенского является крайне суммарное изложение социально-экономической истории Византии в VIII—IX вв. Бледнее, чем политическая история, освещена в книге и история культуры. Для современного читателя труд Ф. И. Успенского сохраняет свой интерес преимущественно как обширная сводка богатейшего фактического материала по истории Византии и соседних с ней народов в VIII—IX вв.¹⁷

Другие работы Ф. И. Успенского, написанные им после 1917 г., по своей тематике распадаются на три большие группы: 1) история Трапезундской империи в XIII — середине XV в.; 2) монгольское завоевание и его значение для народов Европы; 3) византино-славянские, и в частности византино-русские, отношения, преимущественно в IX—X вв. Наиболее значительный след в историографии оставили исследования Ф. И. Успенского по истории Трапезундской империи. Все они были основаны на новых ценных материалах, добытых при личном изучении автором архивов и исторических памятников Трапезунда. Когда во время первой мировой войны русские войска в 1916 г. заняли Трапезунд, Ф. И. Успенский возглавил научную экспедицию, отправившуюся туда для изучения трапезундских древностей и среди них — многочисленных памятников византийской эпохи. Работы экспедиции, в том числе археологические раскопки, дали ценные результаты¹⁸, хотя и не были завершены из-за срочной эвакуации из Трапезунда русских войск в 1917 г. В последующие годы Ф. И. Успенский занялся обработкой и публикацией привезенных из Трапезунда материалов.

Ценным вкладом в византиноведческую науку была публикация в 1917 г. Ф. И. Успенским совместно с В. Н. Бенешевичем «Вазелонских актов»¹⁹. Вместе с тем «Вазелонские акты» легли в основу большинства исследований Ф. И. Успенского по истории Трапезундской империи. Издание актов Вазелонского монастыря Иоанна Предтечи, близ Трапезунда, было осуществлено по рукописи, хранящейся в Государственной публичной библиотеке в Ленинграде²⁰. Оно, по существу, стало уникальным, ибо подлинные Вазелонские акты погибли при пожаре этого монастыря, разрушенного во время первой мировой войны. Издание «Вазелонских актов» было сделано очень тщательно и получило положительную оценку

¹⁶ Там же, стр. 435 и сл.

¹⁷ Книга Ф. И. Успенского в свое время получила многочисленные, в целом положительные отзывы в печати. См. И. И. Соколов.— ВВ, XXV. Л., 1928, стр. 154—157; он же.— «Slavia», 1928, гоф. 7, № 2, стр. 422—423; он же.— «Slavia», 1931, гоф. 10, № 3, стр. 586—599 (основная рецензия); V. G r u m e l.— «Echos d'Orient». Paris, t. 31, 1928, p. 504—506; Gy. M o r a v c s i k.— ВЗ, 1928, Bd. 28, S. 404—407; A. V o g t.— «Revue des questions historiques». Paris, 1929, № 10, p. 483—485.

¹⁸ О работе научной экспедиции в Трапезунде в 1916—1917 гг. публиковались отчеты Ф. И. Успенского в различных периодических изданиях. См. «Сообщение и отчет о командировке в Трапезунд Ф. И. Успенского». — «Известия императорской Академии наук», сер. VI, т. XI, № 16, 1916, стр. 1464—1480, 1490—1492, 1657—1663; Ф. И. Успенский. Отчет о занятиях в Трапезунде летом 1917 г. — «Известия Российской Академии наук», сер. VI, № 5, 1918, стр. 207—238.

¹⁹ Ф. И. Успенский и В. Н. Бенешевич. Вазелонские акты. Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII—XV веков. Л., 1927, предисловие +124, СЛII стр. + 11 табл.

²⁰ Эта рукопись представляет собой копию актов, написанную в XV в. Она была привезена в Россию А. И. Пападопуло-Керамевсом и частично подготовлена им к печати, однако опубликовать это издание он не успел. См. Ф. И. Успенский. Монастырские акты Иоанна Предтечи Вазелон (Греческая рукопись Публичной библиотеки в Петрограде, № 743). — «Известия Российской Академии наук», сер. VI, т. XIII, № 16-18, 1919, стр. 1007—1022.

со стороны многих крупных византинистов различных стран²¹. Собрание Вазелонских актов включает в свой состав около 190 документов: купчие, завещания, пожалования и другие дарственные грамоты XIII—XV вв., тяжбы из-за земли с соседями и совладельцами, свидетельствующие о переходе земельной собственности крестьян в руки крупных светских и церковных землевладельцев, и в первую очередь в руки самого Вазелонского монастыря. Ф. И. Успенский дал оценку этих грамот как в комментарии к изданию памятника, так и в других своих работах, посвященных социально-экономической истории Трапезундской империи. Акты Вазелонского монастыря дают возможность проследить на протяжении двух с лишним столетий на одной и той же территории движение земельной собственности, ее концентрацию в руках крупных землевладельцев. Они помогают выяснить судьбы одних и тех же родов и семей как служилой аристократии, так и беднеющих свободных крестьян, владельцев мелких «родовых» участков земли. Акты позволяют поставить вопрос о социальной эволюции в Трапезундской империи XIII — начала XV в., выразившейся в переходе земли крестьян в руки знати, распродаже земельных участков мелкими долями, появлении владений зависимых крестьян — париков²². По мнению Ф. И. Успенского, Вазелонские акты — непревзойденный материал, ибо он вводит в существо крестьянских земельных отношений, знакомит с продажной ценой земли, системой обложения крестьян налогами. Отличительной особенностью этих актов является то, что с их страниц веет подлинной жизнью, передаются «настроения, желания, цели маленького обывателя, нигде иным образом не оставившего на свете следов своего существования»²³. В актах рисуются страшные картины «агарянского полона»: очень часто свои земли Вазелонскому монастырю отдают вдовы и матери, у которых мужья и сыновья попали в плен к туркам. Дарение, как правило, производится с условием возврата этих земель в случае освобождения родственников дарителями из плена. По словам издателей Вазелонских актов, среди этих документов «попадают иногда такие трогательные, горькими слезами написанные факты из семейной истории маленького человечка, сельского обывателя»²⁴, что перед читателем возникают полные живых красок картины быта трапезундских крестьян в XIII—XV вв. Вазелонские акты, подкупающие своей свежестью и непосредственностью, рисуют «интимную жизнь сельского обывателя со всеми ее заботами и ежедневными мелочами...»²⁵

Вазелонские акты проливают свет на состав сельского населения, на происхождение и национальность свободных и зависимых крестьян, показывают характер взаимоотношений крестьян с монастырем. Они дают возможность определить значение таких терминов, как «хорафий», «стась», «проастий», чрезвычайно важных для понимания внутренней жизни как

²¹ См. рецензии: И. И. С о к о л о в. — «Україна», 1930, стр. 177—180; он же. — «Slavia», 1928, год. 7, № 2, str. 413—426; Е. А. Ч е р н о у с о в. Новинки по экономической истории Византии. — «Труды Северо-Кавказской ассоциации научно-исследовательских институтов», № 43, вып. 4. Ростов-на-Дону, 1928, стр. 206—209; К. А m a n t o s. «Ελληνικά», 1928, № 1, σελ. 444—446; F. D ö l g e r. — BZ, 1929—1930, Bd. 29, S. 329—344; G. O s t r o g o r s k i j. — BNJ, 1928, Bd. 6, Hf. 3—4, S. 580—586.

²² Ф. И. Успенский. Социальная эволюция и феодализация Византии. — «Анналы», № 2, 1922, стр. 95—115. В огромном большинстве случаев акты говорят о разорении свободных крестьян и концентрации земли в руках светских магнатов и Вазелонского монастыря. В документах зафиксирован лишь один редкий случай, когда крестьянин Цимирик разбогател и перешел в сословие архонтов (там же, стр. 110).

²³ Там же, стр. 102.

²⁴ Там же.

²⁵ Ф. И. Успенский и В. Н. Бенешевич. Вазелонские акты..., предисловие.

деревни, так и поместья²⁶. Для разрешения важных вопросов о характере парического права, о формах аренды издатели Вазелонских актов в своем комментарии опубликовали еще один памятник, давно известный, но мало изученный, рукопись которого находится также в Публичной библиотеке в Ленинграде, — две небольшие заметки юриста X в. магистра Косьмы. Заметки эти дают возможность, по мнению издателей, «бросить взгляд на крестьянский вопрос в Византии с таких сторон, которые до сих пор не подвергались рассмотрению»²⁷.

На основании анализа как Вазелонских актов, так и некоторых других источников Ф. И. Успенский приходит к определенным выводам относительно землевладения в Трапезундской империи XIII — середины XV в., распространяя иногда эти выводы на все Византийское государство. Прежде всего он выступает против теории Б. А. Панченко об исчезновении в Византии после X в. свободного крестьянского сословия. Он утверждает, в согласии со своей общей концепцией аграрных отношений в Византии²⁸, что свободное крестьянство и крестьянская община как в Трапезунде, так и в самой Византии сохранились вплоть до турецкого завоевания и даже пережили его²⁹. Второй важный вывод, сделанный Ф. И. Успенским в его работах по истории Трапезундской империи, это признание процесса социальной эволюции в поземельных отношениях XIII — середины XV в. Эволюция эта состояла в разрушении мелкой земельной собственности и образовании крупных усадеб. По Вазелонским актам можно проследить происхождение больших вотчин, образовавшихся в результате скупки мелких участков свободных крестьян³⁰. Иными словами, в Трапезунде с конца XIII и по начало XV в. наблюдают-

²⁶ Ф. И. Успенский в комментарии к Вазелонским актам и в других работах дает свое толкование этих терминов. По мнению Ф. И. Успенского, хорафий — это организованный в хозяйственном отношении земельный участок, находящийся в обработке, усадьба — как крестьянская, так и помещичья. Хорафий — часть особой социально-экономической организации — стаьи. Стась не обозначает индивидуального хозяйства, и в нее входит много хозяйств разных лиц. Проастиий — это господская вотчина и усадьба, разделенная на земельные участки, занятые зависимыми от помещика крестьянами (Ф. И. Успенский и В. Н. Бенешевич. Вазелонские акты..., стр. LX, LXI, LVIII, LXXXI—LXXXII; Ф. И. Успенский. Социальная эволюция..., стр. 97, 112). Интересно произведенное автором сравнение таких институтов, как хорафий, стась, проастиий, с западноевропейскими феодальными поземельными институтами.

²⁷ Ф. И. Успенский и В. Н. Бенешевич. Вазелонские акты..., стр. XXXVII. На основании анализа определений магистра Косьмы Ф. И. Успенский приходит к выводу о существовании в Византии трех видов аренды: 1) эмфитевсиса — долгосрочной аренды, 2) *μίσθωσις* или *лактоу* — аренды по найму и 3) сдачи земли на особых условиях, вытекающих из парического (присельнического) права (*δίκαιον λαρομικόν*) (там же).

²⁸ См. более ранние работы Ф. И. Успенского, в которых проводится та же теория, например: Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии.— ЖМНП, ч. 223, 1883, № 1, отд. II, стр. 30—87; № 2, стр. 301—360.

²⁹ Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения..., стр. 308—313. Ср. он же. Значение византийской и южнославянской проии.— «Сб. статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского по случаю 25 лет его ученой и профессорской деятельности». СПб., 1883, стр. 1—32. Основным аргументом в пользу своей теории Ф. И. Успенский считает данные Вазелонских актов, свидетельствующие о «передвижении» земельной собственности из одних рук в другие, причем продавцами являются свободные крестьяне, владельцы свободной родовой (*γονικόν*) собственности (Ф. И. Успенский и В. Н. Бенешевич. Вазелонские акты..., стр. XXXIX; ср. Ф. И. Успенский. Социальная эволюция..., стр. 107 и сл.). Наличие же сельской общины подтверждается, по его мнению, сохранением вплоть до XV в. обычая передела земельных участков между совладельцами, дробления владений на доли. Система переделов предполагает одновременное существование общественных неподделанных земель (что находит аналогию в Земледельческом законе) (Ф. И. Успенский. Социальная эволюция..., стр. 113).

³⁰ Ф. И. Успенский. Социальная эволюция..., стр. 107 и сл.

ся те же самые явления, что и во всей Византии (да и на Западе): оскудение свободной, так называемой родовой собственности крестьян и как естественное последствие — увеличение числа зависимого от помещика населения, занимающегося обработкой чужой земли³¹. Самым важным наблюдением, вытекающим из изучения Вазелонских актов, Ф. И. Успенский считает то, что с X по XV в. и даже далее прослеживается одинаковый тип социальной и экономической эволюции во всех областях Византийской империи³².

Сама постановка вопроса о социальной и экономической эволюции в Византии весьма плодотворна, однако в разрешении этого вопроса Ф. И. Успенский остановился на полпути. Оставаясь всегда на позициях позитивистской методологии, Ф. И. Успенский был очень далек от марксистского понимания феодализма³³ и видел в нем лишь рассеяние суверенитета и децентрализацию³⁴. Поэтому-то он сделал столь неожиданные выводы из материала, наглядно показывающего существование развитых феодальных отношений в Трапезунде в XIII — середине XV в. Сравнивая социальную эволюцию, происходившую на Западе и в Византии, автор полагает, что на Западе на почве борьбы крупных землевладельцев с верховной властью расцвел «пышный цветок феодализма». «На Востоке все ограничилось первичной стадией, добрыми желаниями, неудачными попытками»³⁵. По мнению Ф. И. Успенского, Вазелонские акты отражают лишь первичную стадию феодализации³⁶.

Этот же тезис отстаивает Ф. И. Успенский и в своем обобщающем труде по истории Трапезундской империи³⁷. Давая подробный очерк политической истории Трапезунда, Ф. И. Успенский самым важным явлением в ней считает борьбу служилой поземельной аристократии с императорской властью: «... трапезундская служилая аристократия в смысле сословного, замкнутого в себе и стремящегося к определенным целям класса... была на верном пути к феодализации империи и образованию отдельных и независимых от царской власти сеньорий..., и тем не менее феодальным государством Трапезунд не был»³⁸.

Таким образом, по кардинальному вопросу аграрной истории Византии Ф. И. Успенский стоял на чуждых марксизму позициях. Далек от марксизма он был и в трактовке вопросов классовой борьбы. Так, в своем обобщающем труде, как бы подводящем итоги всей его работы в области

³¹ Ф. И. Успенский и В. Н. Бенешевич. Вазелонские акты..., стр. LXXXIX.

³² Там же, стр. С. Другим интересным наблюдением автор считает наличие, по данным актов, остатков родового строя в Трапезунде XIII — середины XV в. Обращает на себя внимание также дробность земельных участков или полос, принадлежащих одному и тому же владельцу, и чересполосность мелких владений (там же, стр. CI—CIII).

³³ В этой связи нельзя согласиться с утверждением Г. Н. Лозовика, что Ф. И. Успенский более, чем иные «маститые» ученые, прислушивался к идеям, порожденным революцией, и, не сознавая этого, в трактовке вопросов землевладения был близок к марксизму. Г. Н. Лозовик дошел даже до такого совершенно неприемлемого тезиса, будто Ф. И. Успенский «не догадывался, что он еще 40 лет назад „говорил прозой“ в стиле марксизма» (Г. Н. Лозовик. Ф. И. Успенский... 1845—1928. Некролог. — «Историко-марксист», 1928, № 9, стр. 114).

³⁴ Ф. И. Успенский. Центробежные и центростремительные силы в истории Византии. — ИАН СССР, отдел обществ. наук, 1931, сер. VII, № 4, стр. 457.

³⁵ Ф. И. Успенский. Социальная эволюция..., стр. 113.

³⁶ Там же, стр. 114. Подтверждением этого автор считает тот факт, что после завоевания Трапезунда турки ввели тимариотскую систему, во многом основанную на византийских поземельных отношениях (там же, стр. 114).

³⁷ Ф. И. Успенский. Очерки по истории Трапезундской империи. Л., 1929, стр. 1—158. Эта книга была издана уже после смерти автора под редакцией и с предисловием акад. С. А. Жебелева.

³⁸ Ф. И. Успенский. Очерки по истории Трапезундской империи, стр. 113.

истории Трапезунда, Ф. И. Успенский совершенно игнорирует классовую борьбу народных масс и все социальные столкновения сводит или к борьбе внутри господствующего класса, или к национальной розни. Так, например, рассматривая ожесточенную социально-политическую борьбу в Трапезунде в середине XIV в., Ф. И. Успенский трактует ее исключительно как конфликт двух партий господствующего класса. В одной партии объединились земельные магнаты туземного происхождения, лазская, грузинская и армянская аристократия, в другой — греческие вельможи, связанные с Константинополем и династией Палеологов³⁹. Императорская власть лавировала между этими партиями, Великие Комнины ориентировались в своей политике то на Византию, то на Грузию.

«В среде трапезундской аристократии, — пишет автор, — недоставало единства и организации. Местные дворянские роды грузинского и армянского происхождения вели борьбу с константинопольскими греками, постоянно высылаемыми из Константинополя для усиления эллинских тенденций в политике Трапезундской империи»⁴⁰. Однако, пишет он далее, «бурная вспышка ожесточенной борьбы трапезундской земельной и служилой аристократии, падающая на половину XIV в., была потушена императорской властью и сопровождалась ослаблением многих дворянских родов»⁴¹. Поражение аристократии в борьбе с императорской властью, знаменующее для Ф. И. Успенского победу сил централизации над децентрализацией, и является, по его мнению, важнейшим показателем слабого развития феодализма в Трапезунде. Внимание автора привлекает лишь лежащая на поверхности борьба внутри господствующего класса, позиция же народных масс его не интересует. Так, упоминая данные хроники Панарета об активном участии в борьбе партий городского дима Трапезунда, Ф. И. Успенский оставляет в стороне вопрос о его социальном составе и роли народных масс в социально-политической борьбе XIV в.⁴²

Вместе с тем нельзя отрицать положительный вклад в науку, внесенный трудами Ф. И. Успенского по истории Трапезундской империи. В обобщающем труде и этюдах к нему Ф. И. Успенский очень убедительно показал пестроту этнического состава населения Трапезундской империи: империю населяли местные племена и народы: лазы, цаны, халды, халивы, армяне, грузины, в горах — кочевые племена курдов. Греки отнюдь не составляли большинства. Более того, по предположению Ф. И. Успенского, свыше половины населения состояло из негреческих элементов⁴³. До первой четверти XIV в. политическое преобладание было явно на стороне грузин и армян, и лишь после кровавых междоусобиц середины XIV в. руководящую роль в стране стали играть греки⁴⁴. Любопытно наблюде-

³⁹ Там же, стр. 108 и сл. Правда, сами источники — Вазелонские акты, хроника Панарета и др. — наталкивали автора на правильные выводы о характере и происхождении земельной аристократии Трапезунда. Автор отмечает процесс сращивания земельной аристократии со служилой, показывает, что все высшие гражданские и военные должности передавались по наследству и удерживались из поколения в поколение за знатными родами земельных магнатов (там же, стр. 112 и сл.). Источники с очевидностью рисуют картину развитых феодальных отношений, показывая самостоятельность крупных феодалов, их большие земельные владения, замки и поместья, населенные крепостными париками и рабами или сдаваемые в аренду крестьянам. Однако от вывода о развитии феодализма в Трапезунде в XIII — середине XV в. автор упорно отказывается (там же, стр. 113 сл.).

⁴⁰ Ф. И. Успенский. Социальная эволюция..., стр. 114.

⁴¹ Там же, стр. 113.

⁴² Ф. И. Успенский. Очерки по истории Трапезундской империи, стр. 78 и сл.

⁴³ Там же, стр. 32 и сл.; он же. Трапезундская империя. — «Анналы», № 4, 1924, стр. 25.

⁴⁴ Ф. И. Успенский. Трапезундская империя, стр. 25 и сл.

ние Ф. И. Успенского о том, что в актах Вазелонского монастыря среди крестьян встречаются русские или юго-славянские имена ⁴⁵. Разноплеменность не только верхов, но и широких крестьянских масс объясняет, по Ф. И. Успенскому, недостаток местного патриотизма, пагубно сказавшийся на судьбах страны в трагический период завоевания Трапезунда в 1461 г. войсками турецкого султана Мехмета II ⁴⁶.

Ценны разыскания Ф. И. Успенского в области восстановления топографии и древнего Трапезунда. На основе археологических, эпиграфических топонимических данных, добытых во время экспедиции в Трапезунд в 1916—1917 гг., ему удалось воспроизвести план города Трапезунда византийской эпохи и дать интересное, вытекающее из личных наблюдений описание таких замечательных памятников, как трапезундский кремль, три главных византийских храма ⁴⁷, гробница трапезундского императора Алексея IV Комнина ⁴⁸ и др. В «Очерках из истории Трапезундской империи», кроме того, дается хорошая сводка всей политической истории Трапезунда, краткий очерк административного и военного устройства империи Великих Комнинов. Яркими красками нарисовано тяжелое международное положение Трапезундской империи, принужденной постоянно лавировать между Византией, турками-сельджуками, монголами, позднее османами. Много усилий прилагает автор к выяснению взаимоотношений Трапезунда с Крымом и Кавказом. По его мнению, «эта империя в своем происхождении и существовании опиралась как на грузинскую народность, так и на весьма мало еще выясненные связи — экономические и торгово-промышленные — с Крымом и Кавказом. Эти последние соображения приводят нас к заключению, что история Трапезундской империи входит некоторой частью в задачи, принадлежащие истории России» ⁴⁹. К сожалению, внутренней истории Трапезундской империи в этом труде, подводящем итоги многолетних исследований автора, уделяется очень мало внимания ⁵⁰.

Полезны, кроме того, публикации Ф. И. Успенским некоторых неизданных памятников, связанных с историей Трапезунда и Константинополя ⁵¹.

* * *

В последние годы жизни Ф. И. Успенский занялся изучением важной проблемы роли монгольского завоевания в судьбах Европы, в частности

⁴⁵ Ф. И. Успенский. Трапезундская империя, стр. 30.

⁴⁶ Там же, стр. 31.

⁴⁷ Ф. И. Успенский. Очерки по истории Трапезундской империи, стр. 4—26, 140—158. Автор детально обследовал такие византийские храмы, как храм св. Софии, церковь Евгения и храм Панагии Златоглавой.

⁴⁸ Там же, стр. 130. См. Ф. И. Успенский. Усыпальница царя Алексея IV в Трапезунде. — ВВ, XXIII. Пг., 1923, стр. 1—14. Летом 1916 г. во время пребывания в Трапезунде Ф. И. Успенский обнаружил под турецким тюрье близ храма Богородицы Златоглавой усыпальницу византийской эпохи и, сопоставив все данные письменных источников, установил, что это гробница трапезундского императора Алексея IV Комнина, убитого по приказу его сына Калояна в 1446 г. Из археологических изысканий Ф. И. Успенского следует отметить изучение им древней крепости Гония близ Батуми. См. Ф. И. Успенский. Старинная крепость на устье Чороха. — «Известия Российской Академии наук», 1917, сер. VI, т. XI, № 2, стр. 163—169.

⁴⁹ Ф. И. Успенский. Очерки по истории Трапезундской империи, стр. 2; ср. о н же. Выделение Трапезунда из состава Византийской империи. — «Seminarium Kondakovianum», I (1927), стр. 24—34.

⁵⁰ Ф. И. Успенский. Очерки по истории Трапезундской империи, стр. 86—87.

⁵¹ Ф. И. Успенский. Трапезундская рукопись в Публичной библиотеке (№ 69). — «Известия Российской Академии наук», 1917, т. XI, № 10, стр. 719—724; о н же. Константинопольская Серальская рукописная псалтырь с толкованиями. — ВВ, XXIII. Пг., 1923, стр. 118—133.

в истории стран Средиземноморья. Ф. И. Успенский сам довольно откровенно объясняет причину своего интереса к монгольскому завоеванию. Он считает XIII век переломным моментом в истории Европы, когда «создавались мировые события и подготовлялись катастрофы мирового масштаба». «Для мыслителя этот период XIII века так же важен и интересен, как недавно пережитый нами период Великой Европейской войны»⁵². Подобная аналогия между нашествием монголов и первой мировой войной показывает политическую подоплеку пристального внимания Ф. И. Успенского к истории монголов. Явно преувеличивая историческое значение монгольского завоевания, Ф. И. Успенский считает, что нашествие монголов было событием всемирного масштаба и что оно изменило весь ход мировой истории. В истории средневековья, по его мнению, нельзя указать более глубокого и в такой же степени сильно затронувшего все стороны социальной и государственной жизни народов переворота, как вступление монголов в Персию, Малую Азию, Юго-Восточную Европу⁵³. Монгольское завоевание трактуется Ф. И. Успенским в плане извечной борьбы двух миров — мусульманского и христианского. Успехи монголов он объясняет отсутствием единства среди европейских народов, которые даже перед лицом общей опасности продолжали борьбу между собой из-за торговых путей на Восток⁵⁴. Автор одновременно показывает значение монгольского завоевания для истории Руси и Южного Кавказа⁵⁵.

Анализируя данные византийских историков Георгия Пахимера и Никифора Григоры о сложном переплетении политических отношений между Византией, египетскими султанами и монголами в XIII в., автор полагает, что византийское правительство совершило большую ошибку, заключив договор с Египтом и пропустив корабли египетских султанов через проливы в Черное море. Это дало возможность египетским султанам создать сильную армию мамлюков из добровольцев и рабов, вывезенных из областей Северного Причерноморья. Тем самым Византия сама способствовала созданию новой угрозы для христианских стран Средиземноморья со стороны армии мамлюков и усилению египетских турок, потенциальных союзников монголов⁵⁶.

Для общеметодологических взглядов Ф. И. Успенского весьма характерно преувеличение роли географического фактора в истории, которое чрезвычайно ярко сказалось в данной работе. Анализируя сообщение Пахимера о влиянии географической среды на народы Севера и Юга, автор подчеркивает огромное значение географического фактора как для средневековья, так и для современного общества⁵⁷.

В последующих своих работах Ф. И. Успенский выходит за рамки изучения лишь монгольского завоевания и ставит проблему в еще более широком плане. Предметом его исследования становятся взаимоотношения между Западом и Востоком в XI—XIV вв. В этом аспекте он разрабатывает вопрос о значении для Европы, в частности и для Византии, появления на мировой арене турок и монголов. По его мнению, ни история монголов, ни характер господства монголов на Руси не могут быть выяснены без учета событий, происходивших в этот период в странах Средиземноморья⁵⁸.

⁵² Ф. И. Успенский. Византийские историки о монголах и египетских мамлюках. — ВВ, XXIV. Л., 1926, стр. 10.

⁵³ Там же, стр. 11.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же, стр. 11—12.

⁵⁶ Там же, стр. 3 сл.

⁵⁷ Там же, стр. 4 сл.

⁵⁸ Эта проблема рассматривалась в следующих работах: «Конкуренция народов на Ближнем Востоке». — «Сообщения Российского палестинского общества» т. 29. Л.,

Проблема взаимоотношений Византии и Руси рассматривается Ф. И. Успенским в отдельных небольших этюдах, связанных преимущественно с работой комиссии «Константин Порфирородный»⁵⁹. Еще при жизни Ф. И. Успенского были опубликованы ранее написанные им главы из второй части II тома «Истории Византийской империи». Две из них касаются взаимоотношений Византии и славян. Наибольший интерес представляет статья «Значение походов Святослава в Болгарию»⁶⁰. Автор доказывает на основании критического анализа известий русских и византийских писателей, что как победа, так и поражение Святослава имели огромные последствия для Болгарии и Византии. Окончательное поражение Святослава привело к усилению греческого элемента на Балканах и к ослаблению славян и албанцев.

Очень показательной для мировоззрения Ф. И. Успенского является глава из неопубликованного II тома «Истории Византийской империи» — «Последние Комнины. Начало реакции»⁶¹. В главе собран ценный материал о правлении византийского императора Андроника Комнина, портрет этого «авантюриста» на императорском троне написан живо, широкими мазками. Однако глава буквально пронизана ненавистью и презрением к народным массам, к «константинопольской черни». Восстания народных масс для Ф. И. Успенского — страшные, анархические бунты, поднимающие на поверхность «самые темные элементы», разжигающие «необузданные инстинкты черни»⁶². Гибель Андроника Комнина, по мнению Ф. И. Успенского, была predetermined тем, что он хотел казаться «крестьянским царем» и восстановил против себя аристократию. «Популярность среди уличной толпы, к чему, по-видимому, так стремился Андроник, была ненадежной порукой на будущее»⁶³. Реакционность политических взглядов Ф. И. Успенского в этой работе проявилась с особой силой и в незавуалированном виде.

Несколько особняком стоит еще одна работа Ф. И. Успенского, посвященная рассмотрению важного памятника второй половины XII в. — путевых записок Вениамина из Туделы⁶⁴.

Вениамин из Туделы, испанский еврей, во второй половине XII в. совершил большое путешествие по многим странам Европы и Востока. Повсюду Вениамин собирал сведения о положении еврейских общин и вы-

1926, стр. 1—27; «Восточная политика Мануила Комнина: турки-сельджуки и христианские государства Сирии, Палестины». — Там же, стр. 111—138. Статья «Движение народов из Центральной Азии в Европу (турки и монголы)» увидела свет после смерти автора (ВВ, I, 1947, стр. 9—28). Ф. И. Успенский сделал на эти темы в Академии наук ряд докладов, которые остались неопубликованными. Они хранятся в Архиве Академии наук в Ленинграде. Среди них можно отметить следующие этюды: «Морское и сухопутное движение из Центральной Азии и обратно в XIII—XIV вв.», «Монголы и мусульманство во второй половине XIII в.», «Ближайшие годы по смерти Чингисхана», «Значение выступления монголов в общеевропейской истории», «Джугиды. Образование Кипчака, или Золотой Орды» (см. Н. С. Лебедев. Научное рукописное наследство академика Ф. И. Успенского. — ВВ, I, 1947, стр. 109—113).

⁵⁹ Эти доклады, посвященные литературной деятельности Константина Порфирородного, договорам Руси с греками, путешествию княгини Ольги в Царьград, представляют интерес для византистов. Однако они так и остались неопубликованными.

⁶⁰ Ф. И. Успенский. Греция и эллинизм в конце VIII и начале IX в. (Из XI главы неизданного II тома «Истории Византийской империи»). — Сб. статей в честь С. А. Жебелева. Л., 1926 (машинописный текст), стр. 184—200; Ф. И. Успенский. Значение походов Святослава в Болгарию. — ВДИ, 1939, № 4, стр. 91—97.

⁶¹ ВВ, XXV. Л., 1928, стр. 1—24.

⁶² Там же, стр. 8—9, 18—23.

⁶³ Там же, стр. 22.

⁶⁴ Ф. И. Успенский. Путевые записки Вениамина из Туделы. — «Анналы», 1923, № 3, стр. 5—21.

яснял численность еврейского населения многих городов и стран. Попутно он описывал все виденное им на пути. Записки Вениамина из Туделы содержат интересное описание Галлии, Италии, Византии, Арабского халифата. Особенно красочно рисует Вениамина Тудельский такие города, как Иерусалим, Багдад, Константинополь. В своей статье Ф. И. Успенский поставил задачу проверить достоверность сообщений Вениамина Тудельского о Византии, в особенности о Константинополе. Для этого он сопоставил рассказ Вениамина с византийскими источниками и пришел к выводу, что известия этого путешественника весьма неточны, особенно много ошибок допущено им при описании административного устройства Византии. Одновременно Ф. И. Успенский пытается выяснить цель путешествия Вениамина Тудельского и в конечном счете присоединяется к выдвинутой ранее гипотезе, что Вениамину было поручено собрать сведения об еврейском населении различных стран в связи с проектом переселения евреев из Европы в Аравию ⁶⁵.

В деятельности Ф. И. Успенского, главы русского буржуазного византиноведения, как в фокусе отразились как некоторые положительные, так и отрицательные черты буржуазной византистики. В оценке научных трудов Ф. И. Успенского в послереволюционной историографии наметились две точки зрения. Представители старой, «академической» науки высоко оценили научное наследие Ф. И. Успенского. В панегирических тонах написаны, например, все статьи сборника памяти Ф. И. Успенского ⁶⁶. Акад. С. А. Жебелев (1867—1941), считая Ф. И. Успенского, наряду с В. Г. Васильевским (1838—1899) и Н. П. Кондаковым (1844—1925), одним из трех столпов русского византиноведения, полагает, что труды русских буржуазных византистов не устарели и никогда не устареют и что по ним будут учиться поколения молодых византистов ⁶⁷. К этой высокой оценке творчества Ф. И. Успенского присоединяется и М. А. Шангин, выделяя особо вклад Ф. И. Успенского в развитие не только византиноведения, но и славистики ⁶⁸. Позднее с восторженными похвалами Ф. И. Успенскому выступил Б. Т. Горянов ⁶⁹.

Вместе с тем в конце 20-х — начале 30-х годов XX в. в византиноведении появилась новая струя, и естественно, что историки-марксисты начали иначе оценивать труды буржуазных византистов, в первую очередь Ф. И. Успенского. Украинский профессор Г. [Н. Лозовик, не отрица

⁶⁵ Там же, стр. 20.

⁶⁶ Сб. «Памяти академика Ф. И. Успенского (1848—1928)». Л. 1929. Там напечатаны статьи: С. А. Жебелев и В. Н. Бенешевич. Федор Иванович Успенский..., стр. 1—23; В. П. Бузескул. Общий очерк научной деятельности Ф. И. Успенского, стр. 25—52; С. А. Жебелев. Ф. И. Успенский и Русский археологический институт в Константинополе, стр. 53—66; В. Н. Бенешевич. Ф. И. Успенский как основатель и руководитель Русско-византийской комиссии Академии наук, стр. 67—74; А. И. Малеин. Ф. И. Успенский как основатель и руководитель кружка друзей греческого языка и литературы, стр. 75—78.

⁶⁷ С. А. Жебелев. Русское византиноведение, его прошлое, его задачи в советской науке.— ВДИ, 1938, № 4(5), стр. 13—22.

⁶⁸ М. А. Шангин. История славян в трудах русских византистов.— «Исторический журнал», 1941, № 12, стр. 134—137.

⁶⁹ Б. Т. Горянов. Ф. И. Успенский и его значение в византиноведении.— ВВ, I, 1947, стр. 29—108. Статья Б. Т. Горянова, как и другие работы, помещенные в этом томе, подверглась резкой критике со стороны научной общественности за идеализацию дореволюционного буржуазного византиноведения. См. М. В. Левченко. Византиноведение в СССР..., стр. 234—235. Панегирическим духом по отношению к Успенскому проникнуты и другие статьи, напечатанные в I (XXVI) томе «Византийского временника». См. Н. С. Лебедев. Научное рукописное наследство академика Ф. И. Успенского, стр. 109—113; А. Г. Готалов-Готлиб. Ф. И. Успенский как профессор и научный руководитель, стр. 114—126.

научных заслуг Ф. И. Успенского, резко критиковал его политические взгляды и взгляды других буржуазных византистов. Он показал, насколько тесной была связь мировоззрения Ф. И. Успенского с политической царского правительства и насколько ярко она отражала реакционную идеологию, покоящуюся на принципах самодержавия, православия и народности⁷⁰.

Известный византист Ф. И. Шмит в своем очерке «Политика и византиноведение» еще прямее и резче выступил против политических основ русского буржуазного византиноведения. «Для Ф. И. Успенского, — писал он, — византиноведение так прочно связалось с определенной политической системой, что он его не представляет в иной связи, не может оценить его подлинно научной ценности, как науки, изучающей особую характерную разновидность феодальной формации, во многом отличную от западноевропейской...»⁷¹

И Г. Н. Лозовик и Ф. И. Шмит признавали, что Ф. И. Успенский немало сделал для налаживания исследовательской работы по византиноведению в Академии наук СССР. Но он хотел возродить там старые традиции буржуазной византиноведческой науки. Передовые византисты в начале 30-х годов уже прекрасно понимали, что надо создать новое, марксистское византиноведение, а не укреплять старое, буржуазное. По этому поводу Ф. И. Шмит писал: «Если бы мы вздумали, как этого хотел Ф. И. Успенский, вновь „утвердить“ в СССР старые традиции византиноведения, как оно процветало у нас до 1917 г. в университетах и духовных академиях, потеря времени была бы смерти невозвратной подобна. Но в утверждении этих старых традиций никакой надобности нет...»⁷²

Если византисты 30-х годов критиковали буржуазную науку, и в том числе Ф. И. Успенского, прежде всего за реакционные политические взгляды, оставляя в стороне методологию, то позднее советские ученые подвергли критике уже методологические основы буржуазного византиноведения⁷³. Было наглядно показано, что в научной деятельности Ф. И. Успенский и в послеоктябрьский период оставался в замкнутом кругу буржуазной позитивистской методологии. М. В. Левченко (1890—1955) особенно резко выступал против объективистского подхода к оценке трудов буржуазных византистов⁷⁴.

В первые годы после революции процесс становления советской византистики крайне осложнялся из-за отсутствия марксистских кадров византиноведов. Предстояло пройти еще долгий путь для того, чтобы прео-

⁷⁰ Г. Н. Лозовик. Десять лет русской византологии (1917—1927). — «Историк-марксист», 1928, № 7, стр. 228—238.

⁷¹ Ф. И. Шмит. Политика и византиноведение. — «Сообщения ГАИМК», 1932, № 7-8, стр. 18. Ф. И. Шмит там же писал: «Основные проблемы византиноведения, подлинно научного (будучи тоже, разумеется, сугубо политическим), лежат в совершенно иной плоскости, чем грызня империалистических хищников из-за византийских территориальных лохмотьев или чем все известия Константина Порфирородного „О приеме великой княгини Ольги и ее свиты в Константинопольском дворце“... и все те частные вопросы, которые только и умеет перечислить акад. Ф. И. Успенский» (там же, стр. 19).

⁷² Там же, стр. 20.

⁷³ См. М. В. Левченко. Византиноведение в СССР, стр. 224—235; З. В. Удальцова. К вопросу об оценке трудов академика Ф. И. Успенского. — ВИ, 1949, № 6, стр. 116—127; А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 6 сл.

⁷⁴ М. В. Левченко, критикуя Б. Т. Горянова, писал: «Работа Горянова, однако, не отмечает принципиальную разницу между старым русским византиноведением, стоящим в основном на позициях позитивистской буржуазной науки, и советским византиноведением, которое ставит своей целью разработку истории на основе марксистско-ленинской методологии» (указ. соч., стр. 234—235).

долеть влияние старых традиций буржуазной науки и построить здание советского византиноведения.

Влияние марксистской методологии, однако, начало сказываться в византиноведении уже с конца 20-х — начала 30-х годов. Проявлялось это влияние прежде всего в изменении тематики научных исследований. Некоторые византинисты старой школы от разысканий в замкнутой сфере церковных вопросов стали переходить к исследованию социально-экономических проблем.

Наиболее наглядно об этом свидетельствует эволюция научного творчества ученика Ф. И. Успенского профессора И. И. Соколова.

Длительное время И. И. Соколов посвящал свои научные занятия изучению истории греко-православной церкви в византийскую эпоху и в новое время ⁷⁵. Знаток канонического права и литургики, он, казалось, был очень далек от социально-экономической истории Византии. Но в середине 20-х годов тематика его работ резко меняется, и он целиком погружается в разыскания в области поземельных отношений в поздней Византии и Турции ⁷⁶.

В статье, посвященной поземельным отношениям в Фессалии в правление Палеологов, И. И. Соколов приходит к четкому выводу, основанному на анализе большого актового материала, о наличии в этой области империи в XIV в. крупного землевладения фессалийских феодалов-владельцев.

Знатные роды греческих владельцев в XIV в. уже объединяли в своих руках громадные земельные владения, и тем не менее рост их поместий неуклонно продолжался. Не отставали от светских феодалов и монастыри. Быстрый рост феодального (светского и церковного) землевладения в Фессалии происходил как за счет раздачи в пронию Михаилом VIII Палеологом императорских земель, так и в результате захвата участков мелких свободных земледельцев. Не менее ярко, чем рост феодального землевладения, автор показал сопутствующий ему процесс оскудения мелкой крестьянской собственности. Лишь в отдельных горных местностях Фессалии сохранялась крестьянская собственность и сельская община вплоть до турецкого завоевания Византии и даже в эпоху владычества турок ⁷⁷. Считая поземельные отношения Фессалии XIV в. типичными для всей Византии, И. И. Соколов распространяет свой вывод о феодальном характере земельной собственности на всю империю ⁷⁸. Хороший знаток не только среднегреческого, но и новогреческого языка, И. И. Соколов поставил перед собой задачу проследить судьбы феодального землевладения, существовавшего в поздней Византии, в последующие столетия уже в Турецком государстве.

В серии своих статей по этому вопросу И. И. Соколов доказывает зависимость земельных отношений, земельного податного обложения и некоторых сторон внутреннего крестьянского быта в Турции от византийской земельной системы, которая во многом влияла на уклад сельской жизни и быта в Турецкой империи. В подтверждение своей теории о прямой преемственности аграрного строя средневековой Турции от поземельных

⁷⁵ И. И. Соколов. Избрание архиереев в Византии IX—XV вв.— ВВ' XXII (1915—1916), вып. 3—4. Пг., 1917, стр. 193—252; он же. Вселенские судьи в Византии. Казань, 1919, стр. 1—55.

⁷⁶ И. И. Соколов. Крупные и мелкие владельцы в Фессалии в эпоху Палеологов.— ВВ, XXIV. Л., 1926, стр. 35—44; он же. Земельные отношения в Турции до танзимата.— «Новый Восток», № 6, 1924, стр. 93—112; он же. Земельное податное обложение в Турции до танзимата.— Там же, № 8—9, 1925, стр. 82—94; он же. Быт крестьян в дореформенной Турции.— Там же, № 13—14, 1926, стр. 58—70.

⁷⁷ И. И. Соколов. Крупные и мелкие владельцы в Фессалии в эпоху Палеологов..., стр. 35, 39 и сл.

⁷⁸ Там же, стр. 44.

отношений Византии автор приводит значительный документальный материал, показывающий, что все виды землевладения, какие встречаются в европейских областях средневековой Турции, существовали и в византийскую эпоху. Основной материал источников, изученных автором, относится к территории Фессалии. И. И. Соколов утверждает, что Фессалия еще задолго до турецкого завоевания пережила феодализацию земельных отношений. По мнению И. И. Соколова, начало этой экономической реформы относится к XIII в., когда после завоевания Константинополя крестоносцами (во время четвертого похода 1204 г.) по всей территории Византийской империи были основаны ленные деспотаты и баронства, принадлежавшие греческим и латинским феодальным правителям, а также монастырям и императорам ⁷⁹.

Прямая преемственность, по мнению И. И. Соколова, существовала также и между византийской и средневековой турецкой системой налогового обложения. И. И. Соколов считает, что турецкое законодательство в отношении податного обложения находилось в прямой связи с аграрными законами и сельским бытом покоренной Византии. Вместе с тем И. И. Соколов не отрицает и появления некоторых новых черт в аграрном строе европейских областей средневековой Турции до реформы танзимата ⁸⁰.

Наиболее значительным исследованием И. И. Соколова по социально-экономической истории Византии является его работа «Материалы по земельно-хозяйственному быту Византии» ⁸¹. Основной задачей этого исследования было выяснение сущности важнейших феодальных институтов в Византии — таких, как харистикия, прония, экскуссия и простакия. Привлекая новый для его времени актовый материал, И. И. Соколов дал свое, вполне оригинальное определение каждого из упомянутых феодальных институтов ⁸².

Большим достоинством работы И. И. Соколова, по сравнению с трудами его учителя Ф. И. Успенского, является полное и безоговорочное признание существования феодальных отношений в Византии. При этом феодализм для И. И. Соколова не только юридическое и политическое понятие, он обозначает вполне реальный социально-экономический строй. Шагом вперед по сравнению с предшествующими работами И. И. Соколова, в которых он относил появление феодализма в Византии к XIII в. (к периоду после латинского завоевания), является то, что здесь он датирует появление феодальных институтов X веком, а период развитого феодализма начинает с XII в.

В этой своей работе И. И. Соколов в центр внимания ставит не феодальное поместье, а крестьянскую деревню. В большей степени, чем раньше,

⁷⁹ И. И. Соколов. Земельные отношения в Турции до танзимата, стр. 94.

⁸⁰ И. И. Соколов. Земельное податное обложение в Турции до танзимата, стр. 82—94; он же. Быт крестьян в дореформенной Турции, стр. 58—70.

⁸¹ И. И. Соколов. Материалы по земельно-хозяйственному быту Византии. — ИАН СССР, 1931, отдел. обществ. наук, сер. VII, № 6, стр. 683—712.

⁸² По мнению И. И. Соколова, харистикия — это пожалование частным лицом земли по кигторскому праву другому лицу (светскому или духовному) без каких-либо обязательств со стороны принявшего пожалование харистикария и при сохранении за дарителем права отобрать владение в случае злоупотреблений харистикария. Прония — это царское пожалование служилым людям населенных зависимыми крестьянами земель под неперменным условием выполнения службы (чаще всего военной) в пользу государя. Экскуссия — это пожалование феодалу императором комплекса различных льгот административного, судебного и податного характера. Все три названных института защищают интересы феодалов. Последний институт, простакия, аналогичный патронату, первоначально должен был защищать интересы свободных крестьян, вступавших под патронат феодала, но на деле и он приводил к закабалению мелких собственников (И. И. Соколов. Материалы по земельно-хозяйственному быту Византии, стр. 691 и сл.).

его интересуют судьбы крестьянства (а не только борьба между властельями за землю и привилегии). Автор убедительно показывает, что все феодальные институты не приносили никакого облегчения в положении крестьян, а наоборот, способствовали захвату феодалами земель крестьянских общин и закабалению свободного крестьянства. Однако И. И. Соколов рассматривает феодальные институты несколько статично, не вскрывая их внутренней эволюции в течение ряда веков. Классовая борьба крестьян и горожан по-прежнему остается вне поля зрения автора (лишь мимоходом упоминается восстание зилотов). В целом работы И. И. Соколова по социально-экономической истории для своего времени представляли знаменательное явление: они ясно показывали, сколь плодотворным было влияние марксистских идей даже на византинистов, вышедших из старой школы буржуазного византиноведения⁸³.

Социально-экономической историей Византии стали заниматься в конце 20—30-х годов и другие византинисты. Так, А. Ф. Вишнякова исследовала собрание актов XIII в. монастыря Лемвиотиссы близ Смирны в Малой Азии. Актовый материал с неопровержимой убедительностью показал феодальный характер хозяйства монастыря Лемвиотиссы и непрерывный рост его земельных владений, в первую очередь за счет земель свободных крестьян, а также за счет присоединения мелких бедных монастырей, вступавших под покровительство богатого и могущественного соседа. Параллельно росту богатств монастыря происходил процесс разорения свободных крестьян и исчезновения мелкой земельной собственности. Автор на основании актов XIII в. прослеживает тенденцию усиления крепостной зависимости, выражавшуюся в запрещении зависимым — парикам — покидать земли своих господ — пронаиаров, в возвращении беглецов на прежние места жительства, в ухудшении правового и экономического положения свободного крестьянина — эпика. Все эти процессы, как справедливо указывает автор, являлись ярким свидетельством интенсивного развития феодализма в Византии XIII в.⁸⁴

Е. А. Черноусов (род. в 1869 г., эмигрант), до революции занимавшийся преимущественно вопросами политической истории и источниковедения, в конце 20—30-х годов также обратился к изучению социально-экономической истории Византии. Его внимание привлекли два ценнейших памятника по экономической истории Византии: «Податный устав» X в. и «Вазелонские акты»⁸⁵. Высоко оценивая исследование известного византиниста Г. А. Острогорского о «Податном уставе»⁸⁶ и соглашаясь в основном с его выводами о датировке этого памятника X веком, Е. А. Черноусов присоединяется к общей характеристике «Податного устава» как инструкции для чиновников «податного ведомства» и к оценке некоторых институтов и терминов, связанных с податным обложением. Вместе с тем он резко полемизирует с Г. А. Острогорским по вопросу о генезисе свободной крестьянской общины в Византии, энергично защищая теорию

⁸³ Из других работ И. И. Соколова следует упомянуть следующие: «Новогреческая литература по византиноведению». — ВВ, XXV. Л., 1928, стр. 106—153; «Новый труд по истории Византии» (рец. на 1-ю часть II тома «Истории Византийской империи» Ф. И. Успенского). — Там же, стр. 154—157; «Афинская комиссия по составлению и изданию „Исторического Словаря Греческого Языка“». — Там же, стр. 158—165.

⁸⁴ А. Ф. Вишнякова. Хозяйственная организация монастыря Лемвиотиссы. — ВВ, XXV. Л., 1928, стр. 33—52.

⁸⁵ Е. А. Черноусов. Новинки по экономической истории Византии. — «Труды Северо-Кавказской ассоциации научно-исследовательских институтов», № 43, вып. 4. Ростов-на-Дону, 1928, стр. 201—209.

⁸⁶ G. O s t r o g o r s k i j. Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X. Jahrhundert. — «Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte», 1927, Bd. XX, Hf. 1-2, S. 339—447.

славянского происхождения общины, против которой выступил Г. А. Острогорский. Е. А. Черноусов доказывает, что роль славянской колонизации Византии в разрушении латифундиального хозяйства и утверждении общины была аналогична роли германского завоевания в истории Западной Европы.

Следует отметить еще весьма критическое выступление Е. А. Черноусова против ошибочной и путаной концепции экономического строя Византий, высказанной немецким экономистом Л. Brentano⁸⁷. Он отмечает такие пороки теории Brentano, как отрицание всякого развития экономики Византии за тысячелетнюю ее историю, преувеличение роли торгового капитала и государственных монополий в торговле и ремесле, принижение роли славянской колонизации в развитии общины в Византии, непонимание развития феодализма⁸⁸.

Среди русских буржуазных византинистов, младших учеников В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского, видное место занимал А. А. Васильев (1867—1953). Человек широко образованный, хороший знаток источников, не лишенный литературного таланта, А. А. Васильев был и остался, однако, в течение всей жизни далек от марксистского понимания исторического процесса⁸⁹. В послеоктябрьский период А. А. Васильев опубликовал на родине общий очерк истории Византии, распадающийся на несколько небольших книг. В период между 1922 и 1925 г. он напечатал очерки: «Византия и крестоносцы», «Латинское владычество на Востоке» и «Падение Византии. Эпоха Палеологов». Эти очерки непосредственно примыкают к изданным А. А. Васильевым в 1917 г. «Лекциям по истории Византии»⁹⁰. Эклектизм в области методологии, равнодушие к вопросам социально-экономического развития и особенно классовой борьбы, крайнее преувеличение роли церкви в истории Византии — вот отличительные черты обобщающих очерков А. А. Васильева, претендующих на полное и последовательное изложение всей тысячелетней истории Византийского государства. Особенно далек от марксизма А. А. Васильев в освещении вопроса о феодализме в Византии, который трактуется им в чисто буржуазном понимании, как политико-юридическая надстройка, да еще привнесенная в Византию с Запада⁹¹. Что же касается освещения политической истории и культуры Византии, то при всей живости изложения чувствуется

⁸⁷ Л. Brentano. Народное хозяйство Византии, русс. пер. И. И. Яковкина. Предисловие И. С. Плотникова. Л., 1924.

⁸⁸ Е. А. Черноусов. По поводу одной маленькой книжки и небольшого к ней введения. — «Известия Северо-Кавказского гос. ун-та», т. VIII. Ростов-на-Дону, 1926, стр. 137—142. Свидетельством интереса Е. А. Черноусова к проблемам экономики являются его рецензии на книгу В. Ф. Левитского «Очерки истории хозяйственного быта народов Древнего Востока» («Известия Северо-Кавказского гос. ун-та», т. I (XI), 1927, стр. 109—111) и на Большую Советскую Энциклопедию (там же, т. X, 1926, стр. 134—135).

⁸⁹ В 1926 г. А. А. Васильев покинул родину и окончил свои дни на чужбине, не вернувшись из заграничной командировки.

⁹⁰ А. А. Васильев. Лекции по истории Византии, т. I. Время до эпохи крестовых походов (до 1081 г.). Пг., 1917, стр. 1—355; о н ж е. Византия и крестоносцы. Пг., 1922, стр. 1—120; о н ж е. Латинское владычество на Востоке. Эпоха Никейской и Латинской империй (1204—1261). Пг., 1923, стр. 1—76; о н ж е. Падение Византии. Эпоха Палеологов (1261—1453). Л., 1925, стр. 1—143.

⁹¹ Права Е. Э. Липшиц, которая резко критиковала Г. Лозовика за приписывание А. А. Васильеву чуждого ли не марксистского взгляда на историю. Г. Лозовик причисляет А. А. Васильева к марксистам и именно в его трактовке феодализма в Византии усматривает его марксистские взгляды, считая, что в этом он «вполне стоит на высоте вооруженного марксистским методом историка». См. Е. Э. Липшиц. К. Маркс и Ф. Энгельс о начале Византии. — ИГАИМК, вып. 90, 1934, стр. 543. Ср. Г. Н. Лозовик. Десять лет русской византологии (1917—1927). — «Историк-марксист», 1928, № 7, стр. 238.

явная фактологичность и поверхностность суждений автора. А. А. Васильев при этом значительно лучше владеет византийским материалом, чем источниками по истории сопредельных с Византией стран.

Так, в описании отношений Византии с арабами автор допускает ряд неточностей, касающихся внутренней истории мусульманских народов⁹². Небезынтересны сведения, собранные А. А. Васильевым, о культурных связях Руси и Византии, хотя влияние Византии на Древнерусское государство явно преувеличивается. Крестовые походы трактуются автором с провизантийских позиций, западные источники использованы значительно меньше византийских⁹³. Последний период в истории Византии (XIII — середина XV в.) рисуется автором как эпоха глубокого упадка. Причиной падения былого политического и экономического могущества Византии автор считает прежде всего разгром Византии во время IV крестового похода и установление прямых торговых связей между Западной Европой и мусульманским Востоком, после чего отпала посредническая миссия Византии, на которой основывалась транзитная торговля Византийской империи⁹⁴.

Одновременно с изданием своих очерков по истории Византии А. А. Васильев работал над сложной проблемой роли готов в истории средневекового Крыма. Плодом его разысканий явилась монография «Готы в Крыму»⁹⁵, породившая много споров среди советских историков и археологов. Основным тезисом автора является утверждение, что готы, поселившись в Крыму еще в III в., создали там так называемую Крымскую Готию, которая просуществовала в течение всего средневековья, а потомки готов сохранились в Крыму даже вплоть до XVIII в.⁹⁶ По мнению автора, крымские готы еще в III в. приняли христианство, причем всегда оставались православными, арианство же к ним так и не проникло. В конце IV — начале V в. была основана Крымская готская епископия, никогда не терявшая связей с Константинопольским патриархатом. Прослеживая на протяжении III—XIII вв. историю крымских готов, А. А. Васильев показывает смену завоевателей, вторгавшихся в Крым и сталкивавшихся с жившими там туземными племенами, а также с крымскими готами. Перед читателем проходят картины сперва гуннского завоевания в IV в. и преобладания гуннов в V—VI вв., затем появления в Крыму в 70-х годах VI в. новых кочевых орд — хазар, сохранявших свое влияние с конца VI до IX в. За ними следовали набеги печенегов и русских на Крым в IX—X вв., падение хазарского господства и установление русского протектората над Готией в X в., господство половцев в Крыму с середины XI до начала XIII в.

⁹² См. В. Бартольд. Рец. на кн.: А. А. Васильев. Лекции по истории Византии, т. I. Время до эпохи крестовых походов. Пг., 1917. В «Записках коллегии востоковедов при азиатском музее Российской АН» (т. I. Л., 1925, стр. 461—482) В. Бартольд резко критикует А. А. Васильева за ошибки в освещении истории ислама и арабов. Он особо отмечает, что вопрос о взаимном культурном влиянии Византии и арабов еще недостаточно разработан и требует дальнейших исследований.

⁹³ См. И. И. Соколов и О. А. Добаш-Рождественская (1874—1939). Книга А. А. Васильева «Византия и крестоносцы». — «Анналы», № 4, 1924, стр. 269—273. И. И. Соколов дает весьма хвалебный отзыв о рецензируемой книге, а О. А. Добаш-Рождественская критикует автора за неточное изложение крестовых походов с точки зрения данных западных источников. Однако сама она критикует А. А. Васильева с идеалистических позиций.

⁹⁴ Будучи за границей, А. А. Васильев переработал и дополнил свои очерки и издал их на французском и английском языках: А. А. Vasiliev. Histoire de l'empire Byzantin. Paris, 1932; А. А. Vasiliev. History of the Byzantine Empire (324—1453). Madison, 1952.

⁹⁵ А. А. Васильев. Готы в Крыму, ч. I. — ИРАИМК, I, 1921, стр. 265—344; ч. II — ИРАИМК, V, 1927, стр. 179—282.

⁹⁶ Там же, ч. II, стр. 281.

На фоне этой бесконечной смены завоевателей А. А. Васильев особо рассматривает отношения Византии и крымских готов. Он приходит к выводу, что Византия всячески стремилась привлечь крымских готов под свой протекторат, что ей и удавалось в связи с общей опасностью для византийских владений в Крыму (Херсонес) и для Крымской Готии. Особенно сильно было влияние Византии на крымских готов в VI в. при Юстиниане, когда империя построила сеть укреплений, так называемый Таврический лимес, для защиты населения Крыма от вторжения кочевников⁹⁷. Во времена иконоборчества Крым, в том числе готская епископия, стал убежищем для православных монахов-иконопочитателей, которые выступали против иконоборцев⁹⁸. Автор отмечает даже участие готов в восстании Фомы Славянина. В XI в. власть Византии над крымскими готами значительно окрепла, но в конце XII в. Крымская Готия порвала свою политическую зависимость от Византии и вступила после 1204 г. в вассальные отношения с Трапезундской империей⁹⁹.

В советской историографии работа А. А. Васильева подверглась серьезной критике за преувеличение роли готов в судьбах средневекового Крыма¹⁰⁰. Но до сего времени вопрос о готах в Крыму остается спорным и требует дальнейших археологических, топонимических, антропологических и исторических разысканий¹⁰¹.

В 20 — 30-е годы русских византистов, историков СССР и востоковедов привлекают проблемы взаимоотношений Византии, Руси и народов Востока. В «Византийском временнике» были опубликованы ценные исследования А. Ю. Якубовского по этой проблеме. В статье «Ибн-Мискавейх о походе Русов на Бердаа в 332 г. = 943/4 г.»¹⁰² автор, изучив восточные источники, в частности труд арабского историка X—XI вв. Ибн-Мискавейха «Книга испытаний народов», содержащий подробное описание похода русских в прикаспийские области в X в., приходит к важным и вполне оригинальным выводам. Прежде всего он уточняет датировку похода, затем восстанавливает путь русских к Бердаа, дает описание географического положения этого города и его экономики, показывает торговое значение Бердаа, рассматривает военную технику русских дружин и их силу.

С этой работой А. Ю. Якубовского перекликается по тематике другая его статья — «Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. (черты из торговой жизни половецких степей)»¹⁰³. Автор тщательно анализирует ценный источник XII—

⁹⁷ А. А. Васильев. Готы в Крыму, ч. II, стр. 182 и сл.

⁹⁸ Там же, стр. 199 и сл.

⁹⁹ Там же, стр. 272—282. В другой своей работе 1923 г. на ту же тему А. А. Васильев уже намечает все главнейшие проблемы будущей монографии, причем выводы ее во многом были предвосхищены в этой ранней его статье. В ней он априорно считает доказанным существование Крымской Готии в течение всего средневековья (А. А. Васильев. Проблема средневекового Крыма. — «Новый Восток», № 3, 1923, стр. 378—386). Началом средневековья в Крыму для А. А. Васильева является принятие в IV в. христианства; окончание же средних веков для Крыма автор относит к концу XV в., когда Крым вошел в состав мусульманской Турции (там же, стр. 378). Основными проблемами истории средневекового Крыма А. А. Васильев, согласно своей позитивистской методологии, считает: религиозную, этническую и затем торгово-экономическую (там же, стр. 379 и сл.).

¹⁰⁰ См. М. В. Левченко. Византиноведение в СССР, стр. 232.

¹⁰¹ См. «История и археология средневекового Крыма». М., 1958, статьи: Е. В. Веймарн. Оборонительные сооружения Эски-Кермена, стр. 48, 52—54; В. П. Бабенчиков. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень, стр. 93, 94, 145—146; К. Ф. Соколов. Антропологические материалы из ранне-средневековых могильников Крыма, стр. 69, 78.

¹⁰² ВВ, XXIV. Л., 1926, стр. 63—92.

¹⁰³ ВВ, XXV. Л., 1928, стр. 53—77.

XIII вв. — «Сельджук-наме» Насир-ад-дин-Яхья-ибн-Мухаммеда, известного под прозвищем Ибн-ал-Биби и жившего в Иконийском султанате. Ибн-ал-Биби дает совершенно свежий материал о походе турок-сельджуков на Судак, половцев и русских. Его труд представляет исключительный интерес для ранней истории Руси и для выяснения торговых связей Малой Азии с Крымом и Русью. А. Ю. Якубовский разрешает ряд спорных и темных вопросов: он дает новую, хорошо аргументированную датировку похода (1221 или 1222 г.) и считает, что поход был совершен сельджуками при половецком хане Юрии Кончаковиче и русском (рязанском) князе Мстиславе. Автор полагает, что большого политического резонанса взятие Судака сельджуками не имело, поскольку вскоре последовало монгольское завоевание и половецкую кочевую державу, которая собирала дань с Крыма, сменила Золотая Орда.

В интересном очерке, посвященном торговле Причерноморья с Востоком, которая велась при посредничестве половцев, А. Ю. Якубовский проводит мысль о том, что эта торговля была столь оживленной на суше и на море, что не прерывалась даже во время военных действий ¹⁰⁴.

Большое место в трудах советских историков и в первые годы Советской власти, и в последующее время занимала разработка проблемы русско-византийских политических и культурных связей. Оживленные споры в нашей исторической литературе 20—30-х годов вызвала «загадка» местонахождения знаменитой Тмутаракани и вопрос о реальности существования Тмутараканского княжества. По этому вопросу высказывались совершенно нигилистические мнения. Например, В. Д. Смирнов утверждал, что никакого города или русского княжества с таким названием не было; этим именем якобы называлась в средние века область, простиравшаяся от Керченского пролива до реки Куры. Само же название Тмутаракань, по мнению В. Д. Смирнова, — византийского происхождения ¹⁰⁵. Другие исследователи, наоборот, признавали реальное существование города Тмутаракани и особое значение в связи с этим придавали так называемому Тмутараканскому камню, на котором высечена интересная надпись, содержащая рассказ о переправе из Керчи в Тмутаракань ¹⁰⁶.

Проблемой, постоянно интересовавшей русских ученых, оставались походы русских на Царьград и русско-византийские договоры ¹⁰⁷. Спорным и трудноразрешимым по-прежнему был вопрос о происхождении термина «Русь» ¹⁰⁸.

¹⁰⁴ А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 67 и сл. Из других работ, касающихся проблемы взаимоотношений Византии и Востока, можно назвать статью В. В. Бартольда «Христианское происхождение Омейядского царевича (о царевиче Аббасе, сыне Валида I)» (ВВ, XXIV. Л., 1926, стр. 17—26) и его историографическую работу, где затрагиваются и византиноведческие сюжеты (В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и в России. Л., 1925).

¹⁰⁵ В. Д. Смирнов. Что такое Тмутаракань? — ВВ, XXIII. Пг., 1923, стр. 15—73.

¹⁰⁶ Н. И. Веселовский. К истории открытия тмутараканского камня. Пг., 1917; Ф. И. Шмит. О Тмутаракани. — ИТУАК, № 54, 1918, стр. 389—393; А. А. Бертье-Делагард. Заметки о тмутараканском камне. — Там же, № 55, 1918, стр. 44—96.

¹⁰⁷ В. М. Истрин. Договоры русских с греками X века. — ИОРЯС, т. XXIX, 1924, стр. 383—393; он же. Летописное повествование о походах русских князей на Царьград. — ИОРЯС, т. XXI, 1916, кн. 2, стр. 215—236; В. А. Брим. Путь из варяг в греки. — ИАН СССР, 1931, сер. VII, отдел. гуманитарных наук, № 2, стр. 201—247; П. Г. Любимиров. Торговые связи Руси с Востоком в VII—IX вв. — «Уч. зап. Саратовского гос. ун-та», т. I, вып. 3-4, 1923, стр. 5—38.

¹⁰⁸ В. А. Брим. Происхождение термина «Русь», в кн.: «Россия и Запад», I. Пб., 1923, стр. 5—10; С. Ф. Платонов. Руса. «Дела и дни», 1920, I, стр. 1—5,

Много занимались русские ученые, в том числе и византилисты, рассмотрением литературных связей древней Руси и Византии¹⁰⁹. Все эти работы хотя и прибавляли некоторый новый фактический материал, внесли интересные уточнения в отдельные детали, но коренного перелома в изучении русско-византийских отношений, с точки зрения нового метода и нового подхода к проблеме, не давали.

Такой важный раздел византиноведения, как византийская культура и искусство, занимал видное место в творчестве русских византистов изучаемого периода.

Правда, попытки дать обобщающую работу по истории византийской культуры не увенчались успехом, и книга П. В. Безобразова (1859—1918) «Очерки византийской культуры», претендующая на подобное обобщение, оказалась неудачным собранием отдельных очерков, посвященных различным сторонам культурной жизни византийского общества и лишенной общей концепции и единой идеи¹¹⁰. Книга проникнута духом идеализации императорской власти и церкви, довольно поверхностно освещает быт и нравы Византии и, несмотря на занимательность, далека от глубокого анализа сложных явлений византийской культуры.

Несравненно большую ценность представляют исследования В. Е. Вальденберга (1871—1941) по истории политической и философской мысли в Византии. Основной идеей, которую ревностно отстаивал во всех своих трудах В. Е. Вальденберг, была идея самостоятельности развития и научной оригинальности византийской философии и политической мысли. Он открыто выступал против распространенной на Западе концепции о застойном характере византийской политической мысли и ее зависимости от западноевропейской философии. В. Е. Вальденберг горячо доказывал, что такие византийские мыслители, как Дионисий Псевдо-Ареопagit, Максим Исповедник, Анастасий Синаит, Фотий, Михаил Пселл, Иоанн Итал, Никифор Влеммид, были оригинальными философами и их философские системы для своего времени ни в чем не уступали средневековым философским учениям Запада. Более того, он проследил влияние византийской философской мысли на западную философию, а также распространение некоторых византийских философских веяний на Русь. В. Е. Вальденберг, естественно, был еще далек от марксизма, далек от того, чтобы попытаться выяснить социальные корни философских учений в Византии, проследить борьбу течений и развитие политической мысли в связи с общественными движениями их времени¹¹¹. Однако решительный отказ В. Е. Вальденберга от гиббоновского представления о косности и неподвижности византийской культуры очень выгодно отличает его работы от современных ему исследований ученых Запада. Вместе с тем В. Е. Вальденберг убедительно показывает античные истоки византийской филосо-

¹⁰⁹ В. Н. Бенешевич. Из истории переводной литературы в Новгороде конца XV столетия. Л., 1928; он же. Памятники древнерусского канонического права, т. 1—2. СПб., 1880—1920; П. Г. Васенко. Сербские записи на греческой рукописи XV в., принадлежащей библиотеке Академии наук.— ИАН СССР, 1928, сер. VII, отдел. гуманитарных наук, № 1—10, стр. 27—44 и др.

¹¹⁰ П. В. Безобразов. Очерки византийской культуры. Пг., 1919, стр. 1—179. В книгу включено 9 очерков: цари, царицы, церковь, сановники, помещики, ремесленники, литература, зрелища и увеселения, судебные дела.

¹¹¹ Некоторые свои работы этого времени В. Е. Вальденберг опубликовал в зарубежных византиноведческих журналах. См. В. Е. Вальденберг. Об общем характере «византийской философии».— «Revue d'histoire de la philosophie», t. III, f. 3, 1929, p. 277—295; он же. Византийская философия IV—V вв.— Byz., t. IV (1927—1928), 1929, p. 237—268; он же. Политические речи Фемистия.— Byz., t. I, 1924, p. 557—580; он же. Политические идеи в фрагментах Петра Патрикия.— Byz., t. II (1925), 1926, p. 55—76; он же. Никулида и современные византийские патриции.— Byz., t. III (1926), f. 1, 1927, p. 95—121.

фии. В частности, глубоко изучив философскую систему античного философа-стоика I в. н. э. Диона Хризостома, он прослеживает влияние его идей на политическую мысль в Византии ¹¹². Интересует В. Е. Вальденберга и проблема проникновения византийской политической мысли на Русь. Он показывает, как античные политические идеи и этические представления через посредство византийской политической литературы включались, правда, в переработанном виде, в круг идей древнерусской книжности. Так, широко популярное на Западе и на Руси «Наставление писателя VI в. Агапита императору Юстиниану» об обязанностях государя, переводы которого встречаются в русской письменности, в основе своей имеет античные образцы. Наставления, написанные в виде небольших эпиграмм, доступные для широкого читателя, пропагандировали античные идеи идеального государя лишь с некоторыми византийскими элементами. Они были переработаны русскими книжниками и приспособлены к русской действительности ¹¹³. В других своих работах В. Е. Вальденберг прослеживает, как византийские политические идеи «идеального государя» и противопоставление его античному понятию тирана претерпевали эволюцию в древнерусской литературе ¹¹⁴.

По истории собственно византийской литературы русскими византистами, к сожалению, было написано мало работ. Можно назвать только небольшую заметку Б. В. Варнеке (1874—1944), в которой автор доказывает, что в византийское время в театре разыгрывались пантомимы на античные сюжеты, в том числе использовались классические трагедии и комедии Менандра ¹¹⁵. Серьезный пробел в изучении византийской литературы ощущался в нашем византиноведении длительное время и не восполнен еще и сейчас. Зато в области разработки истории византийского искусства русские ученые всегда занимали и занимают видное место в византиноведческой науке. Широкую известность приобрели после Октябрьской революции труды Д. В. Айналова (1862—1939), Ф. И. Шмита, Л. А. Мацулевича (1886—1959), искусствоведов младшего поколения — марксистов В. Н. Лазарева, Н. И. Брунова, М. А. Алпатов и др.

Прекрасный знаток византийского искусства, Д. В. Айналов, широко известный своей постановкой проблемы о его эллинистических основах ¹¹⁶, в послеоктябрьский период продолжал свои исследования в сфере анализа взаимного влияния восточного, в частности палестинского, средневекового искусства и искусства Западной Европы ¹¹⁷. Ценный вклад был внесен

¹¹² В. Е. Вальденберг. Политическая философия Диона Хризостома. — ИАН СССР, 1926, сер. VI, т. XX, № 10-11, стр. 943—974 (ч. I); 1926, № 13-14, стр. 1281—1302 (ч. II); 1926, № 15-17, стр. 1533—1554 (ч. III); 1927, сер. VI, т. XXI, № 3-4, стр. 287—306 (ч. IV). См. также В. Е. Вальденберг. К учению Диона Хризостома о рабстве. — Сб. статей в честь С. А. Жебелева, стр. 89—97.

¹¹³ В. Е. Вальденберг. Наставления писателя VI века Агапита в русской письменности. — ВВ, XXIV, Л., 1926, стр. 27—34. См. также В. Е. Вальденберг. Печатные переводы Агапита. — «Доклады АН СССР», серия В, 1928, № 13, стр. 283—290.

¹¹⁴ В. Е. Вальденберг. Речь Юстина II к Тиверию. — ИАН СССР, 1928, сер. VII, отдел гуманитарных наук, № 1-10, стр. 111—140; он же. Речь Юстина II в древнерусской литературе. — «Доклады АН СССР», серия В, 1930, № 7, стр. 121—127; он же. Понятие о тиране в древнерусской литературе в сравнении с западной. — ИОРЯС, 1929, т. II, кн. 1, стр. 214—236.

¹¹⁵ Б. В. Варнеке. Из истории византийской драмы. — «Доклады АН СССР», 1926, май-июнь, стр. 49—51.

¹¹⁶ Д. В. Айналов. Эллинистические основы византийского искусства. СПб., 1900, стр. 1—224.

¹¹⁷ Д. В. Айналов. Византийская живопись XIV ст. Пг., 1917; он же. Искусство Палестины в средние века. — ВВ, XXV, Л., 1928, стр. 77—86; он же. Пользование античными композициями и фигурами на памятниках христианского искусства. — Сб. статей в честь С. А. Жебелева, Л., 1926, стр. 107—117.

Д. В. Айналовым в исследовании по истории древнерусского искусства и в выяснении его связей с византийским¹¹⁸.

Ф. И. Шмит прославил отечественную науку первоклассной публикацией замечательного памятника византийского искусства — церкви Успения в Никее. Работа Ф. И. Шмита ныне является уникальной, ибо этот памятник погиб во время греко-турецкой войны 20-х годов XX в.¹¹⁹

Всемирное признание получила также работа Л. А. Матзулевича «Византийские антики», в которой автор на основании детального обследования византийской торевтики (изделий из серебра) прослеживает процесс эволюции раннего византийского искусства, выразившийся в возрастании влияния художественных вкусов так называемых варварских народов и ослабления античных традиций¹²⁰. Первые работы крупнейшего специалиста по византийской живописи В. Н. Лазарева относятся к 20—30-м годам¹²¹.

Видный знаток византийской архитектуры Н. И. Брунов изучал памятники византийской архитектуры на территории СССР и занимался вопросом о связях византийского и древнерусского зодчества. Его внимание привлекала также проблема восточных элементов в византийской архитектуре¹²².

Известный искусствовед М. А. Алпатов интересовался в ранний период своего научного творчества византийской миниатюрой¹²³. М. А. Алпатов и Н. И. Брунов совершили интересную поездку по Турции и дали увлекательное описание византийских памятников Константинополя и Малой Азии¹²⁴.

¹¹⁸ Д. В. Айналов. История древнерусского искусства. Киев—Царьград—Херсонес.— ИТУАК, № 57. Симферополь, 1920, стр. 136—248; он же. Живопись Бахчисарайского дворца.— «Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии». Симферополь, 1927, т. I, стр. 1—4; он же. История русского монументального искусства (издано за границей: D. A. I n a l o f f. Geschichte der russischen Kunst. Bd. I—II. Bd. I — Geschichte der russischen Monumentalkunst der vormoskovitischen Zeit. Berlin—Leipzig, 1932—1933).

¹¹⁹ Th. S c h m i t. Die Kolmesis-Kirche von Nikaia. Berlin und Leipzig, 1927.

¹²⁰ L. M a t z u l e w i t s c h. Byzantinische Antike. Studien auf Grund des Silbergefäße der Ermitage. Berlin—Leipzig, 1929. См. другие работы Л. А. Матзулевича: «Византия и эпоха великого переселения народов» (Л., 1929); «Большая пряжка Перешепинского клада и псевдопряжка» (сб. статей в честь С. А. Жебелева, стр. 216—236); «Византийские резные кости собрания М. П. Боткина» (Сб. Гос. Эрмитажа. Пб., 1923, вып. II, стр. 43—72); «Серебряная чаша из Керчи» (Л., 1926); «Погребение варварского вождя в восточной Европе» (ИГАИМК, вып. 112, 1934) и др.

¹²¹ В. Н. Л а з а р е в. К вопросу изображения у египтян человеческих фигур на плоскостях.— «Труды секции истории искусств Ин-та археологии и искусствознания РАНИОН», IV, 1930, стр. 3—21; i d e m. Ein byzantinisches Tafelwerk aus der Komnenepoche (совместно с М. В. Алпатовым).— «Jahrbuch der preussischen Kunstsammlungen», XLVI, 1925, S. 140—155; i d e m. Einige kritische Bemerkungen zum Chludov-Psalter.— ВЗ, XXIX, 1929/1930, S. 279—284; i d e m. Über eine neue Gruppe byzantinisch-venezianischer Trecento-Bilder.— «Art studies», VIII, 1931, p. 3—31; он же. Византийское искусство.— В кн.: «Государственный музей изобразительных искусств. Путеводитель по музею», вып. 3, ч. 1. М., 1934, стр. 11—15.

¹²² Н. И. Б р у н о в. Памятник ранневизантийской архитектуры в Керчи.— ВВ, XXV. Л. 1928, стр. 87—105. В статье исследуется византийский храм Иоанна Предтечи в Керчи. Автор датирует этот памятник первой половиной VIII в., периодом иконоборчества, и прослеживает в нем влияние арабской архитектуры. См. также Н. И. Б р у н о в. К вопросу о связях древнерусского зодчества с Херсонесом.— «Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии», т. 1 (58), 1927, стр. 26—27; он же. К вопросу о восточных элементах византийского зодчества.— «Труды секции истории искусств Ин-та археологии и искусствознания РАНИОН», т. IV, 1930, стр. 21—29 и др.

¹²³ М. А. А л п а т о в. Царьградские миниатюры Апостола 1072 г. Университетской библиотеки в Москве.— «Труды секции искусствознания Института археологии и искусствознания», т. II, 1928, стр. 102—112.

¹²⁴ М. А л п а т о в и Н. Б р у н о в. Краткий отчет о поездке на Восток.— ВВ, XXIV. Л., 1926, стр. 57—62; М. А л п а т о в и Н. Б р у н о в. Археологи-

Велик вклад русских ученых-византинистов в дело изучения и издания рукописных сокровищ, хранящихся в архивах и библиотеках нашей страны. После 1917 г., несмотря на трудности гражданской войны и разрухи, публикация важнейших византийских и византино-славянских памятников успешно продолжалась. Образцом безукоризненно тщательного и высоконаучного издания источника является публикация акад. В. М. Истриным (1865—1937) древнеславянского перевода византийской хроники Георгия Амартола¹²⁵. Не только безупречное издание текста, но и глубокое исследование происхождения рукописи и источников славянской, так называемой «болгарской», версии Георгия Амартола делает это издание незаменимым как для византинистов, так и для историков древнерусской литературы¹²⁶.

Длительное время труды византийского философа XI в. Иоанна Итала были известны лишь в отрывках, что крайне затрудняло изучение всей философской системы и мировоззрения этого выдающегося мыслителя, выступавшего против господствующей церкви. Г. Ф. Церетели, известный эллинист, прекрасный знаток греческой палеографии, взял на себя огромный труд публикации неизданных произведений Иоанна Итала. Подготовленное им издание включает около 12 важнейших произведений этого философа, представляющих большой научный интерес. Подробный комментарий и интересное введение делают издание Церетели выдающимся явлением для своего времени¹²⁷.

Много и плодотворно работал в сфере издания, описания и изучения византийских и древнегреческих рукописей М. А. Шангин (1897—1942). Крупный специалист в области палеографии и эпиграфики, М. А. Шангин ввел в научный оборот немало неизвестных до него греческих текстов¹²⁸. Самым ценным вкладом его в науку была публикация собрания русских

чешское путешествие по Турции (в 1924 г.).— «Новый Восток», № 14, 1926, стр. 251—261.

¹²⁵ В. М. Истрин. Книги временные и образные Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе. Текст, исследование и словарь, т. I, Пг., 1920; т. II, Пг., 1922; т. III, Л., 1930. См. о н же. Толковая Палея и хроника Георгия Амартола.— ИОРЯС, т. XXIX, 1924, стр. 369—379. Еще ранее В. М. Истрин издал славянскую версию хроники Иоанна Малалы (В. М. Истрин. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Одесса, 1903).

¹²⁶ В. М. Истрин был прекрасным знатком древнерусской литературы и источников. См. В. М. Истрин. Замечания о начале русского летописания.— ИОРЯС, т. XXVI, 1921, стр. 45—102; т. XXVII, 1922, стр. 207—251; о н же. Откровение Мефодия Патарского и летопись.— ИОРЯС, т. XXIX, 1924, стр. 380—382; о н же. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (11—13 вв.).— «Наука и школа». Пг., 1922, X, стр. 1—248; о н же. Где было переведено житие Василия Нового?— ИОРЯС, т. XXII, кн. 2, 1918, стр. 320—325.

¹²⁷ G. Zereteli. Joannis Itali Opuscula selecta, t. 1—2. Tiflis, 1924—1926. Г. Ф. Церетели в послереволюционные годы много занимался историей греческой и византийской культуры. См. Г. Ф. Церетели. Этюды к Менандру (I. Fabula incerta).— ИАН СССР, 1929, сер. VII, отдел. гуманитарных наук, № 3, стр. 231—244; о н же. Новый гимн в честь Диониса.— ИАН СССР, 1918, сер. VI, № 9, стр. 873—880; № 10, стр. 971—1002; № 11, стр. 1153—1180; о н же. Архивы классической древности (Греция и Рим), т. I. Л., 1920 и др.

¹²⁸ М. А. Шангин. Фрагменты греческих рукописей из Музея палеографии, ч. I.— «Доклады АН СССР», серия В, 1927, № 7, стр. 138—142; ч. II.— Там же, № 9, стр. 200—203; о н же. Греческая астрологическая рукопись из Музея палеографии.— «Доклады АН СССР», серия В, 1928, № 11, стр. 241—246; о н же. Латинская астрологическая рукопись, принадлежавшая ак. Г. Н. Крафту.— «Доклады АН СССР», серия В, 1929, № 3, стр. 39—44; о н же. О роли греческих астрологических рукописей в истории знания.— ИАН СССР, 1930, сер. VII, № 5, стр. 307—317; о н же. К вопросу о средневековом «гадании по Пифагору».— «Доклады АН СССР», серия В, 1930, № 6, стр. 109—116; о н же. Gergis Philosophus, liber de astronomiae disciplinae peritia.— ИАН СССР, 1930, сер. VII, № 2, стр. 145—158. Из других работ М. А. Шангина 20-х годов следует указать: «Академическая рукопись Григория Назианзина».—

астрологических кодексов, вошедшего в международное издание аналогичных памятников¹²⁹.

Казанский профессор эллинист С. П. Шестаков (1864—1940) изучил малоизвестные стихотворения византийского поэта времен Комнинов Феодора Продрома и на основании сопоставления их с известиями византийских историков Иоанна Киннама и Никиты Хониата показал достоверность некоторых исторических данных, содержащихся в этих стихотворениях и помогающих уточнить события внешнеполитической и государственной жизни Византии того времени¹³⁰.

Небезынтересны для политической и церковной истории Византии времени правления Иоанна и Мануила Комнинов изданные известным византинистом В. Э. Регелем (1857—1932) византийские памятники, содержащие литературные произведения, похвальные слова, монодии, эпитафии и другие греческие тексты XII в.¹³¹

Многие годы другой известный византинист старой школы, В. Н. Бенешевич (1874—1943), занимался обследованием греческих рукописных сокровищ монастырей Синая. Изданные им описания ценнейших греческих рукописей Синая, разнообразных по своему характеру, имеют первостепенное значение как для истории византийской культуры, так и для истории православной церкви¹³².

В. Н. Бенешевич, кроме того, опубликовал «Тактикон» антиохийского монаха XI в. Никона Черногорца по греческой рукописи Синайского монастыря. Этот памятник содержит любопытный материал о положении антиохийской церкви в XI в. и о борьбе христианского населения с арабами¹³³. В. Н. Бенешевич занимался также и греческой эпиграфикой. Он издал некоторые вновь открытые греческие надписи из Армении¹³⁴. Привлекала его и историческая география Византии и Ближнего Востока¹³⁵.

ИАН СССР, 1927, сер. VI, т. XXI, № 12-14; стр. 997—1008; «Ямбическая поэма Иоанна Каматира «О круге Зодиака» по Академической рукописи». — ИАН СССР, 1927, сер. VI, т. XXI, № 5-6, стр. 425—432; «Греческий перевод Абау-Ма'шара в рукописи библиотеки Академии наук». — ИАН СССР, 1926, сер. VI, т. XX, № 10—11, стр. 907—916, и др.

¹²⁹ Codices Rossici. Catalogus codicum astrologicorum graecorum, T. XII. Bruxelles, 1936, VIII + 268 p., 6 tab.; рец.: «Antiquité classique», t. V (1936), p. 485—487.

¹³⁰ С. П. Шестаков. Заметки к стихотворениям codicis Marciani gr. 524. — ВВ, XXIV. Л., 1926, стр. 45—56.

¹³¹ В. Регель. Fontes rerum byzantinorum sumptibus Academiae Scientiarum Rossicae. Fasc. 2. Petropoli, 1917, p. 183—399.

¹³² В. Н. Бенешевич. Описание греческих рукописей монастыря св. Екатерины на Синае, т. III, вып. 1. Рукописи № 1224—2150. Пг., 1917, IV + 354 стр. Автор в этом труде продолжал описание греческих рукописей Синая, начатое еще Порфирием Успенским; он же. Памятники Синая археологические и палеографические, вып. I. Л., 1925; он же. Номоканон Иоанна Комнина, архиепископа Ахридского. — ВВ, XXII (1915—1916), вып. 1—2. Пг., 1916, стр. 41—61; он же. Кодекс Альда Мануция в Российской Публичной библиотеке. — Сборник статей в честь С. А. Жебелева, стр. 463—472 (анализируются рукописи трагедий Софокла). Для истории православной церкви весьма полезно изданное специалистом по литургике А. А. Дмитриевским описание рукописей литургических текстов, которые были им найдены в монастырях Афона, в библиотеках Патмоса и в патриаршей библиотеке Иерусалима: А. А. Дмитриевский. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока, т. III (1-я половина), ч. II. Пг., 1917, VIII + VIII + 768 + IV стр.

¹³³ В. Н. Бенешевич. Никон Черногорец. Тактикон Никона Черногорца. Греч. текст по рукописи № 441 Синайского монастыря св. Екатерины, вып. I. Пг., 1917, стр. 1—120. В русле занятий истории православной церкви находится и исследование В. Н. Бенешевича «Грузинский великий Номоканон по спискам Тифлисского церковного музея». — «Христианский Восток», т. II, вып. III. СПб., 1914, стр. 349—377; т. V, вып. II. Пг., 1917, стр. 112—127.

¹³⁴ В. Н. Бенешевич. Три Алийские надписи XI века из эпохи византийского владычества. — Гос. Изд. Пб. Акад., 1921, Алийская серия, VII.

¹³⁵ В. Н. Бенешевич. Новые данные для исторической географии Ближ

Е. А. Черноусов наряду с занятиями социально-экономической историей продолжал свои разыскания в сфере источниковедения. Он впервые в русской литературе дал анализ сирийской хроники Иешу Стилита (Иисуса Столпника) (конец V — начало VI в.). В своем исследовании он уточняет датировку памятника, относя его написание ко времени около 518 г., воссоздает биографию автора и выясняет его религиозную принадлежность. Сопоставляя данные хроники с другими источниками, он решает спорный вопрос о религиозной принадлежности Иешу Стилита в пользу православия умеренного направления и отвергает гипотезу о монофизитстве хрониста¹³⁶. По-иному расценивает Е. А. Черноусов религиозные взгляды другого хрониста VI в. — Иоанна Малалы, которого он на основании внутренней критики его хроники причисляет к монофизитам¹³⁷.

Крупнейший знаток греческой палеографии и агиографии В. В. Латышев (1855—1921) подготовил образцовое издание жития Феофана Исповедника, написанного константинопольским патриархом Мефодием. Издание было осуществлено по греческой рукописи, хранящейся в Москве в бывшей Синодальной библиотеке. Изданию греческого текста жития предпослано введение, где содержится анализ памятника, уточняется время его написания, определяется ценность московской рукописи по сравнению с другими рукописями жития¹³⁸. Внимание ученого, кроме того, привлекли письма византийского писателя и государственного деятеля первой половины X в. Феодора Дафнопата¹³⁹.

Некоторые успехи были достигнуты в изучаемый период в области развития вспомогательных дисциплин: византийской сфрагистики, эпиграфики, нумизматики¹⁴⁰. В изучении византийской сфрагистики велика заслуга акад. Н. П. Лихачева (1862—1935). Его первоклассный труд «Датированные византийские печати» получил всемирное признание. В этом труде Н. П. Лихачев на основании анализа византийских моливдовулов показал эволюцию государственного и административного управления Византии VII в.¹⁴¹ Не меньшее значение имеет его фундаментальное

него Востока (Из греко-сирийского списка отцов Никейского первого вселенского собора).— «Известия Кавказского историко-археологического института в Тифлисе», т. II (1917—1925), 1927, стр. 111—134.

¹³⁶ Е. А. Черноусов. Сирийский источник по истории Византии.— ВВ, XXV, Л., 1928, стр. 24—33. О сирийских памятниках см. также А. Дьяконов. К истории сирийского сказания о св. Мар-Евгене.— «Христианский Восток», т. VI, вып. II. Пг., 1918, стр. 107—174.

¹³⁷ Е. А. Черноусов. Из этюдов по Малале (эпоха Анастасия Дикора).— Сб. статей в честь С. А. Жебелева, стр. 18—28.

¹³⁸ В. В. Латышев. Мефодия, патриарха Константинопольского, Житие преп. Феофана Исповедника (по Московской рукописи № 159).— «Записки Российской академии наук», 1918, сер. VIII, т. XIII, № 4, стр. 1—120. См. другие работы того же автора по агиографии и литургике: «Из агиографической литературы» («Известия Российской Академии наук», 1918, сер. VI, т. XII, № 15, стр. 1579—1590); «Сборник палестинской и сирийской агиологии», вып. II («Православный Палестинский сборник», вып. 60, СПб., 1914); «Греческая литургическая рукопись библиотеки импер. Академии Наук» («Известия Российской Академии наук», 1917, сер. VI, т. XI, № 2, стр. 85—86).

¹³⁹ В. В. Латышев. Критические заметки к письмам Феодора Дафнопата.— «Известия Российской Академии наук», 1920, сер. VI, т. XIV, № 1-18, стр. 393—398.

¹⁴⁰ Ф. И. Успенский в своей статье «Новая струя, вносящая оживление в историю Византии» (ВВ, XXII (1915—1916), вып. 1—2. Пг., 1916, стр. 1—12) выдвинул как одну из очередных задач византиноведения развитие вспомогательных дисциплин и призвал использовать для изучения административной и культурной истории Византии надписи на моливдовулах, папирусы, археологический материал.

¹⁴¹ Н. П. Лихачев. Датированные византийские печати.— ИРАИМК, III, 1924, стр. 152—224. См. его другие работы по византийской сфрагистике: «Моливдовул с изображением Влахернитиссы».— Сб. ОРЯС, 1928, т. CI, № 3, стр. 143—147;

исследование «Материалы для истории византийской и русской сфрагистики». Сравнительный анализ византийских и русских печатей показал наличие тесных связей Византии и Руси в различных сферах культурной жизни¹⁴².

Академик В. В. Латышев (1855—1921), заслуживший всемирную известность своими трудами по греческой эпиграфике юга России, продолжал исследования в этой области, обогатив науку изданием еще некоторых греческих эпиграфических памятников Северного Причерноморья, в том числе публикацией надписей византийского времени из Херсонеса и Мангупа¹⁴³.

В сфере византийской нумизматики советские ученые обратились к изучению византийских монет, найденных на территории СССР, и прежде всего в Херсонесе¹⁴⁴.

В 30-х годах в византиноведении, как и в других отраслях исторической науки, явно намечается перелом в сторону постановки новых важных теоретических проблем. Этот перелом знаменовал собой значительный шаг в формировании марксистского византиноведения, рождавшегося в упорной борьбе со старой буржуазной византистикой.

Первой ласточкой, возвестившей о новых веяниях в византиноведении, была статья А. К. Бергера (1889—1962) «Демократическая революция в Византии XIV века». В этой работе А. К. Бергер расценивает восстание зилотов в Фессалонике в середине XIV в. как настоящую социальную буржуазно-демократическую революцию, а власть зилотов характеризует как диктатуру народных масс. По его мнению, программа зилотов напоминала крайнее левое направление в французской буржуазной революции XVIII в., ибо ее центральным лозунгом был аграрный закон. На примере революции зилотов автор показывает политическую и классовую сознательность народных масс Византии XIV в.¹⁴⁵ И хотя концепция А. К. Бергера была отвергнута в нашей науке, ибо он средневековое антифеодальное восстание, сложное по программе и движущим силам, выдал за демократическую революцию, самая постановка, смелая и острая, вопроса о классовой борьбе в Византии, бесспорно, была знаменательнейшим явлением своего времени.

В 30-х годах начинают создаваться новые марксистские кадры историков-византистов. Ученые включаются в общие дискуссии, волновавшие всю нашу историческую науку: о закономерностях исторического развития, о смене социально-экономических формаций. Ленинградская византистка Е. Э. Липшиц выступила на пленуме ГАИМК в 1933 г. во время дискуссии по вопросу феодализма в Восточной Европе и России со своей концепцией генезиса феодализма в Византии. Она указала на своеобразие феодальной формации в Византии, которое выражалось в длительном со-

«Византийские эксагии». — ИАН СССР, 1925, сер. VI, т. XIX, № 1-18, стр. 519—526. Вторая часть этого труда не опубликована. Ср. А. А. Васильев. Описание византийских гирь и эксагиев, хранящихся в Академии. — ИРАИМК, II, 1922, стр. 237—240.

¹⁴² Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. I. Л., 1928.

¹⁴³ В. В. Латышев. Эпиграфические новости из Южной России. I. Херсонесские надписи; II. Мангупские надписи. — ИАК, 1918, вып. 65, стр. 9—21; он же. Новые христианские греческие надписи из Крыма. — ИТУАК, 1918, № 54, стр. 33—46; он же. Заметки по греческой эпиграфике. — ИРАИМК, II, 1922, стр. 65—83; он же. Заметки по греческой эпиграфике. — ИРАИМК, I, 1921, стр. 17—28 и др.

¹⁴⁴ А. Н. Зограф. Две группы херсонесских монет с заимствованными типами (Античные и византийские монеты). — ИРАИМК, V, 1927, стр. 379—397; М. М. Иващенко. Герзеульский клад монет Кесарии Каппадокийской. — ИРАИМК, VII, вып. 10, 1931 и др.

¹⁴⁵ А. К. Бергер. Демократическая революция в Византии XIV века. — Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. V. М.—Л., 1930, стр. 447—456.

хранении рабства наряду с развивающимися феодальными формами зависимости и в сохранении под покровом феодализма сельской общины. Византийский феодализм, как и западноевропейский, по ее мнению, явился результатом взаимодействия разлагающейся античной цивилизации и варварства. Но так как силы античного государства оказались на Востоке более крепкими, чем на Западе, варвары вошли в состав Византии не как доминирующий, а как подчиненный элемент. Это определило относительную застойность феодализма в Византии ¹⁴⁶.

В те же годы Е. Э. Липшиц, основываясь на трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, ставит вопрос о времени возникновения Византии как феодального государства. Согласно ее концепции, феодализирующие процессы на почве Византии развертываются начиная уже с III в. н. э. Решающим в процессе гибели рабовладельческого общества и возникновения феодального в Византии был период около 300 г., на который указывал Ф. Энгельс, характеризуя различия между положением мира в конце древности около 300 г. и в конце средневековья в 1453 г. ¹⁴⁷ Для работ Е. Э. Липшиц этого периода характерны острополемический тон и резкая критика всей буржуазной историографии, энергичное отстаивание своей концепции, основанной на марксистском подходе к истории Византии. Вместе с тем веяния 30-х годов сказались на работах Е. Э. Липшиц в том, что она базировала пока свои выводы лишь на умозрительных теоретических построениях. Однако это были первые шаги подлинно марксистского византиноведения, и роль этих первых марксистских работ А. К. Бергера и Е. Э. Липшиц в борьбе с буржуазной наукой была очень велика.

¹⁴⁶ ИГАИМК, вып. 103, 1934, стр. 303—315.

¹⁴⁷ Е. Э. Л и п ш и ц. К. Маркс и Ф. Энгельс о начале Византии.— ИГАИМК, вып. 90, 1934, стр. 543—564; о н а ж е. Из мыслей К. Маркса о Византии.— «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 3-4, стр. 51—61.